

Виктория Мальцева

Не
СТИРАЙТЕ
поцелуи

книга 2

18+

Виктория Мальцева

Не стирайте поцелуи. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66635550

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93878-6

Аннотация

Лея уверена, что любовью лечат заблудшие души и в прямом смысле ставят на ноги тех, кто не может ходить. Осталось выяснить, можно ли любовь заслужить, ведь Лее так этого хочется – её никто ещё не любил.

Всё было бы просто, если бы не было так сложно: Лео давно и безнадежно влюблён в Карлу – свою бывшую жену.

Содержание

Глава 1. Карла	4
Глава 2. Знаки	11
Глава 3. Травма	19
Глава 4. Грязь	28
Глава 5. Хэллоуин	38
Глава 6. Первый раз	55
Глава 7. Татуировка	61
Глава 8. Алехандро	66
Глава 9. Не медовый месяц	78
Глава 10. Колыбельная любви	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Виктория Мальцева

Не стирайте поцелуи. Книга 2

Глава 1. Карла

Из аэропорта нас забирает Келли. Мне он говорит: «Привет, пони», потом обнимает Лео и получает от него толчок в бок. Я прошу Келли взять у меня чемодан и получаю «сама довезёшь», но, правда, в багажник его загрузить он помогает со словами:

– Давай сюда, а то полмашины мне сейчас разнесёшь!

Пока едем, они взахлёб треплются обо всём на свете, я сижу на заднем сиденье и мучаюсь дилеммой: «Попросить заехать в какой-нибудь молл за солнечными очками или уже лучше не нарываться? Этот придурок Келли обязательно что-нибудь опять скажет!». Я забыла, вернее, не додумалась взять очки, а солнце здесь сумасшедшее – безжалостно выедаёт глаза. И хотя я знаю о том, что каждая лягушка хвалит болото, в котором выводит своих головастиков, Ван мне нравится больше.

Plantains – I Feel Love

Она открывает нам дверь сама. Её верхняя губа сильно

опухла, с левой стороны больше, чем с правой, но даже эта асимметрия не делает её уродливой.

Они глазают друг на друга ровно столько секунд, сколько им нужно, при этом нас – меня и Келли – для них здесь даже нет.

– Что случилось? – спрашивает он.

Даже в интонации и тембре его голоса можно услышать канаты связи между ними. Есть мир, и есть эти двое.

Мне холодно в тридцатиградусной Калифорнийской жаре. У меня озноб, судя по гусиной коже на моих плечах и предплечьях.

– Паулина говорит, это просто был не её день. «Сама не знает, как это могло получиться – всё стерильно, как обычно». Но у неё дрожали руки, я заметила. Думаю, под кайфом была, идиотка...

Лео выдерживает паузу. Затем, с явным и практически безуспешным усилием скрывая раздражение, обрушивается:

– Я не знаю, кто, как громко и на каком языке должен повторить, чтобы ты, наконец, услышала: ТЕБЕ ЭТО НЕ НУЖНО, КАРЛА!

Она закатывает глаза. Её волосы собраны в узел на макушке. Видно, что он завязан на скорую руку, но, учитывая их длину ниже поясницы, круглая штукавина на голове выглядит стильной, хоть и не очень опрятной. Карла маленькая, на самом деле, даже меньше меня. Ниже, уже в плечах и бёдрах, в талии. Она похожа на девочку, восьмиклассницу с лицом

и голосом взрослой женщины. Гимнастка – в её маленьком теле каждая мышца знает своё место. Карла одета в чёрные йога-штаны с прозрачными вставками из сетки на бёдрах и икрах. Красивая вещь. Но на мне вряд ли бы смотрелась.

Мы проходим через дом во двор, и он огромен. Бассейн, патио и вид на море. Пальмы ещё и много-много солнца.

– Карла, – протягивает мне руку. – А, не обращай внимания на моё лицо – девочка занесла инфекцию филлером. Болит, зараза, хоть на стену лезь. Проходите, ребята!

– Я снял номер в отеле.

– Не морочь голову! Этот дом всё ещё такой же твой, как и мой!

– Да, правда, друг, оставайся! Я тоже здесь остаюсь, – встречается Келли. – Позже и Марлис подъедет с работы, и Сарина с Джейсоном. Оттянемся сегодня!

– Ты забронировал в Шератон? – уточняет Карла.

– Да.

– Я наберу Сарину, чтобы отменила без пени. Глупость такую выдумал тоже мне, отель! В доме полно спален. Как тебя зовут, ещё раз? – обращается, наконец, ко мне.

У неё максимум первый размер груди. Ну, может, полтора, не больше. Но кожа гладкая и смуглая – испанка по темпераменту и по происхождению.

– Лея.

– Отлично, Лея. Хочешь спальню на втором этаже? Оттуда море видно. Или на первом, поближе к Лео? Как вам

удобно, ребята?

Alina Libkind – Radars

Я теряюсь с ответом. Есть двусмысленность в её вопросе или нет? Лео даже не пытается мне помочь.

– У Лео спальня на первом, – повторяет Карла, чтобы заполнить тишину. Её ладонь на мгновение приближается к больной губе, но не дотрагивается, лицо застывает в болезненной гримасе. – Там всё оборудовано для его удобства. Мы с Розмари ничего не меняли, парень, – теперь она обращается к Лео.

До этого момента его лицо не выражало никаких мыслей и эмоций. Но после последней её фразы, его глаза сощуриваются, скулы выдают напряжение.

– Все твои вещи на своих местах. Я ничего не упаковывала, как ты просил. Во-первых, времени не было, а во-вторых, там нужно хорошенько разобраться – я думаю половину можно выбросить или отдать. Ты решил, что делать с досками?

– Решу.

– Я звонила тому парню. Он на пенсии. Больше не занимается с детьми. Привет тебе передавал, сказал, что всегда надеялся – ты его заменишь. Я не стала ему ничего говорить. Позвони старику как-нибудь, ему будет приятно. Он забавный. Рози! Рози! Познакомься – это Лея.

На одном из шезлонгов полулежит девица: голова, как шахматная доска. Половина белая, половина чёрная. Фигура

её согбенна над толстенным талмудом.

– Это Розмари, – анонсирует Карла. – В прошлом году ей взбренило быть полезной человечеству, и эта мысль привела её к идее стать медсестрой. С той поры мы можем её лицезреть только вот так, – проводит рукой по силуэту Розмари.

– Лучше Розы, или Роуз, – говорит девица, не поднимая головы. – Кто ты, Лея?

– Она сиделка, дурочка! Я же говорила, он прилетит со своей сиделкой.

– Сиделка?! – Розы поднимает, наконец, глаза. У неё линзы – кукольный синий. – Ну так, теперь высасывай мозг *ей* по поводу своих инъекций!

– Да! Кстати, – Карла пытается даже улыбнуться. – Мне назначили антибиотики в уколах. Так не хочется мотаться в больницу! Ты не сможешь помочь?

– Меня ещё не учили делать уколы! – опережает все мои возражения Розмари.

Меня и не собираются учить их делать, но я свои возражения решаю оставить при себе.

– Да без проблем, – говорю. – Внутримышечно?

– Вот сюда! – выпячивает немного зад.

– Сделаю.

– Супер.

Она смотрит мне в глаза дольше, чем нужно. Зонд. Это высокочувствительный глубоководный зонд, предназначенный для изучения самого мелкого планктона. Ничто не

ускользает от его оборудованного увеличительными стёклами объектива.

– Как он? – спрашивает меня, как только оказываемся наедине в её спальне.

Это большая комната, современная, дорого обставленная. Я стараюсь не смотреть по сторонам и не впитывать детали, потому что понимаю: когда-то это была «их» спальня. Мне не нужны эти подробности.

– Нормально.

– Правда?

– Мне не с чем сравнивать.

Карла глубоко вздыхает. Я набираю антибиотик в шприц и смачиваю тампон антисептиком. Её задница похожа на два маленьких упругих шара.

– У него была депрессия. Та её разновидность, когда люди ищут в сети способы уйти быстро и безболезненно. Эта его идея – поехать куда подальше – настоящее спасение. Марлис говорит, ему повезло с тобой?

– Не знаю, Марлис виднее.

– Это хорошо, что рядом с ним теперь есть человек.

– А раньше не было?

– Раньше, – снова вздыхает, – всегда была я. Даже слишком долго и слишком неизменно. Ааа!

– Это игла. Она прокалывает кожу. Это не может быть по-другому.

– Знаю... – стонет, придерживая тампон в месте введе-

ния. – Чёртова дура, будь она проклята со своим филлером вместе! Надо было слушать Лео... он прав, у меня красивые губы от рождения... Как ты считаешь?

Я ввела слишком быстро, надо было медленнее. Ей было бы не так больно.

– Не знаю. Сейчас сложно понять.

– У меня есть фото в Инстаграм. Если хочешь, можем обменяться подписками.

– Спасибо. Это мило.

Теперь долго и протяжно вздыхаю уже я.

Глава 2. Знаки

Breathe – Home

В гостиной почти на всю стену растянута панно. На нём горы – панорама в вечерней закатной дымке, скала, сосна на скале, а на её нависающем над каньоном выступе два человека: Лео в бейсболке задом наперед стоит, немного согнув одну ногу, и держит в руках фотоаппарат. Судя по наклону его головы, он просматривает полученные снимки. Рядом с ним на каменном выступе сидит, свесив ноги Карла. Она просто смотрит вдаль.

– Есть вещи, которые не теряют ни своей ценности, ни красоты, независимо от обстоятельств, – комментирует мой взгляд Карла – ничто не способно укрыться от её глаз.

Я нахожу себе уединённое место на одном из диванов и погружаюсь в уже знакомые мысли о том, по какому принципу мироздание раздаёт судьбы и жизни. Почему одни рождаются красивыми и живут в роскоши и комфорте, другие, не успев родиться, уже жрут ложкой дерьмо? Почему кто-то живёт в местности, где нет воды, чтобы вдоволь напиться, а кому-то достаётся особняк на берегу лазурного горного озера? Поменялась бы я с Карлой судьбами и телами? Каково это, быть любимой таким парнем, как Лео, и жить в таком доме, как этот? Каково это, спать с ним? Путешествовать вместе? Каково это, делить с ним воспоминания?

Я никогда не ушла бы от него, будь он моим. Я никому не отдала бы его, будь он моим, даже болезни. И не отдам, хоть он и не мой.

Лео подкатывает ко мне:

– Что будем делать? Поселимся в отеле или останемся здесь?

– Как ты скажешь, так и будет.

Думаю, если бы хотя бы один из нас был заинтересован в отеле, он бы об этом сказал. По факту, каждый хочет остаться, но так, чтобы его желания оставались за кадром. У меня свои мотивы – я в самом, что ни на есть, тылу врага. Когда ещё представится случай так тщательно его изучить изнутри? А Лео... А Лео, конечно, хочет хоть сколько-нибудь дней пожить с ней рядом, но не готов даже себе в этом признаться.

– Я думаю, она права, здесь будет удобнее. У меня тут мои вещи, и я всё равно каждый день буду сюда приезжать. Не вижу смысла тебе оставаться в отеле одной. Ты что думаешь?

– Думаю, ты прав.

Вечером я брожу по первому этажу с полотенцем в руках в поисках ванной. В квартире Лео вход во вторую ванную расположен разумно в холле, так что и из спальни до неё недалеко, и возможным гостям есть, где уединиться. В этом доме ваннх комнат на общей территории нет – только туалет.

Карла появляется на кухне в растянутых серых шортах с собачками и чёрной майке с маленькой дырочкой на груди. Смотрю, моя пижама-комбинезон из микрофибры с коша-

чьими ушами на капюшоне – ещё не самый худший вариант.

– Карла, скажи, пожалуйста, какой ванной можно воспользоваться?

Она пару секунд ошарашенно смотрит, потом дважды переводит взгляд с меня на дверь в комнату Лео, потом снова на меня.

– А... ванная. Тебе досталась комната без ванной, понятно. Ну... пффф, можешь воспользоваться моей – без проблем. Надо было выбирать комнату с удобствами, пользуясь преимуществами права первого выбора! – подмигивает.

Да, после меня комнаты выбрали и заняли ещё несколько человек, а моя голова была весь день занята делами поважнее ванн – мой приёмник едва не перегрелся от разведанных.

Карла любезно провожает меня в свою комнату, хотя я уже знаю, где она находится. Она не виляет задницей, в ней нет плавности и женственности, мне кажется, она так устала, что еле передвигает ноги.

– Вот, – показывает. – Здесь немного мудрёный смеситель, вот так горячая, вот так холодная.

– Поняла, спасибо.

И мы снова встречаемся взглядами. Я стараюсь выжать хотя бы чуть-чуть улыбки – нужна маскировка.

В её ванной прямо под окном стоит фешенебельное корыто на ножках – как у Людовика Четырнадцатого, ей богу. Под ним пол выложен круглыми камушками. Очень чудно.

– Здорово, правда? – с гордостью заявляет Карла. – В этом доме всё создавалось мной. Каждый квадратный сантиметр – полёт моей фантазии!

– Здорово, – поддакиваю, хотя корыто мне вообще не нравится, а в остальном, ну, да, дорого тут всё очень.

В моей ванной даже плитки нет, а в туалете на первом уровне вечно воняет канализацией. Говорю же, дешёво продавали, потому и купила.

Я запираю за Карлой дверь, и пока моюсь в душе, думаю о том, что в стакане около раковины стояли две зубные щётки. Ну, может, разной мягкости, смотря, какое настроение у неё будет – пытаюсь найти объяснение. Но потом, конечно, заглядываю и в шкафы – ну так, краешком глаза – там полно мужского туалетного барахла. Причём Лео пользуется другими брендами, и у него, по большому счёту, один дезодорант, один шампунь, один гель для душа. А тут – целый парфюмерный магазин и даже какая-то хрень в круглой банке с надписью: «Только для Вашей бороды». Ну и ну, думаю.

Не успеваю я в постель улечься, как от Лео приходит сообщение:

WTF_LEO: Кажется, мы давно не проводили тест... да хотя бы на чувствительность.

Betelgeuse: Скучно, Бэтман?

WTF_LEO: Угу.

WTF_LEO: Давай, может, кино посмотрим?

Betelgeuse: Вместе?

WTF_LEO: Вместе.

После Ботанического пляжа мы больше не вернулись в лагерь, как планировали – обсохнув, сразу рванули на север – смотреть океан. Позвонили только в администрацию и предупредили, что нашу палатку с матрасом можно утилизировать. Лео снял номер за тысячу баксов в сутки в Тофино, зато с ванной, ортопедическим матрасом, террасой и видом на океан. Сказал, что баловать меня и снимать мне такой же отдельный не будет, поэтому придётся мне спать с ним на одной кровати. Я не сильно сопротивлялась, потому что, во-первых, никакого второго свободного номера не было – в августе самый разгар сезона сёрфинга, а во-вторых, у меня и так сердце кровью обливалось, потому что за пять дней мы спустили месячную зарплату бухгалтера. Зато на океан налюбовались! Хотя больше на сёрферов – все парковки были заняты, люди жили кто где, некоторые ночевали прямо в машине, кто в кустах, кто в палатках на берегу, но ветрище там такой, что никакие колышки не помогут – унесёт вместе с колышками и туристом. По вечерам мы смотрели фильмы, лёжа в кровати, и так в это дело втянулись, что дома уже весь сентябрь и октябрь каждый день завершали совместным просмотром чего-нибудь, даже до сериалов дошли. Потом уже, смотря, как по настроению, могли и пообсуждать, но чаще я Лео дёргала с вопросами по сюжету, он объяснял, и я заметила, что ему это страшно нравится – быть умнее меня немножко. Я потом нарочно вопросы стала при-

думывать, хотя и без него всё было понятно. Зато он потом такой довольный засыпал.

Я спускаюсь к нему с ноутбуком под мышкой и в очках. Очки у меня не для зрения, а для защиты глаз от синего излучения экрана – это я как-то в самолёте у одного парня подглядела.

– Опять работа? – комментирует мой вид Лео.

– Опять.

– Да плюнь! Поздно уже, надо отдыхать. Завтра с утра сделаешь. И потом, у нас сегодня комедия – всё равно не сможешь сосредоточиться! – скалится.

Смотрим мы «Метод Хитча» – уже не в первый раз – и ржём, как умалишённые. Внезапно в комнату без всякого там стука или оклика влетает Карла. Лео ставит фильм на паузу, я напрягаюсь. Карла подходит к нам и садится на прикроватный диванчик, с широченной улыбкой рассматривая мой комбинезон.

– Клёвая пижама! – говорит.

– Спасибо, – отвечаю.

– Лео, можно с тобой поговорить?

Я не сразу догоняю, что к чему, лежу себе и жду продолжения. Лео мне не помогает, и сделать это приходится Карле:

– Наедине, – подчёркивает она и переводит взгляд с Лео на меня.

– А... окей, – говорю.

И только начинаю приподниматься, как в моём направле-

нии выбрасывается рука и пригвождает к кровати, ухватив за бедро.

– Мы, вообще-то, кино тут смотрим, – объявляет Лео. – Что, до завтра не подождёт?

Карла ровно на десять секунд впадает в отупение. В течение этого времени её лицо, как пластилиновое, меняет выражение с шока на удивление, потом разочарование, и заканчивает злостью.

– Ладно. Можно и завтра, – говорит и направляется к двери. – Извините, что помешала.

Карла не одна в отупении. Я тоже. Смешное кино продолжается, но ни я, ни Лео больше не смеёмся.

– Я знаю, зачем она приходила, – внезапно объявляет мне.

– Зачем?

– Хочет сказать, что нам придётся задержаться. Что с таким лицом она никогда не станет встречаться с людьми, тем более, с адвокатами.

– С адвокатами? По какому поводу?

– А, это неинтересно. Как же меня бесит, когда люди так потребительски и наплевательски относятся к чужому времени!

– Ну, она же не знала, что такое случится. Да и мы, вроде бы, особо никуда не спешим.

Лео раздражённо вздыхает вместо ответа и сопит громче, чем Уилл Смит снимает девочек на экране.

– А меня в людях бесят хвастовство и занудство, – сооб-

щаю ему. – Ненавижу и то, и другое одинаково, но терплю – жизнь заставляет. А вот предательство никогда не прощу.

– Слушай! – внезапно оживляется Лео. – Я там на кухне видел жёлтые такие пакеты с попкорном. Можешь притащить?

– Эм... – я всё ещё размышляю о человеческих недостатках, и этот неожиданный поворот слегка обескураживает. – Ну, это же не наш попкорн. Неудобно как-то. Это же... кухня Карлы и всё там...

– Ничего! С неё не убудет. Тащи давай!

«Не очень-то и культурно» про себя думаю, но в кухню зад своей тещу. Само собой, именно в эту минуту Келли приспичило воды попить. Ну ничего, лицо «топором» мне не впервой делать.

– Э! Алё! Это мой попкорн! – выкатывает на меня глазищи. Чуть слюной не захлёбывается.

– А Лео сказал, что его.

И это, похоже, правильный ответ. У Келли хоть и недвольная рожа, но он молчит. И я почти уже успеваю смыться с кухни, как ему надо бросить мне вдогонку:

– А задница у тебя, пони, всё шире!

Ничего не шире! Это просто комбинезон из микрофибры зрительно её увеличивает. Келли предлагаю:

– Пошёл ты!

Он только ржёт громко и бескультурно.

– Очки тебе не помогут, пони! Ты безродная!

Глава 3. Травма

Julia Michaels – Fucked Up, Kinda ft. Role Model

На следующий день, примерно в обед, во дворе появляется заспанный Келли с кружкой кофе, и минут через двадцать из гаража выкатывается графитовый Aston Martin. Это не я так хорошо разбираюсь в крутых тачках – это Google придумал функцию распознавания предметов по фотографии. Внутри салона всё кремовое – и кожаные сиденья, и обивка дверей, и лакированные вставки. А за рулём... Лео.

Боже, мой, Боже. Случись мне повстречать эту машину и её водителя где-нибудь на улицах даунтауна Ванкувера или даже этого их Лос-Анджелеса, я бы увидела успешного и недосыгаемого во всех смыслах молодого мужчину-мечту, чья траектория никогда не была запрограммирована на пересечение с моей. Я вообразила бы его жизнь похожей на вечный дерзкий отпуск, эксклюзивный и самый дорогой в баре коктейль, девушек, одевающих его своими мечтами в особый лоск, который мерцает в волосах и лицах только самых-самых избранных на этой планете. Людей, рождённых быть красивыми, богатыми и счастливыми.

Мне бы и в голову не пришло всё то, что я уже знаю об этом парне. А узнаю ещё больше. И это, к сожалению, будут не доказательства его особенности и не свидетельства его счастья.

Машина с рёвом выскакивает со двора на дорогу, и ровно через три мгновения исчезает из поля моего зрения навсегда. Келли и Лео возвращаются к вечеру на такси.

– Продали? – спрашивает их Карла.

– Продали, – отвечает Келли.

Лео не произносит ни звука, молча пересаживается в коляску, привезённую Келли из гаража. Его лицо лишено эмоций, но под глазами снова круги.

Траур по машине длится до самой ночи. Я не выдерживаю и пишу ему:

Betelgeuse: Посмотрим кино?

Ответа нет ни через десять минут, ни через двадцать, поэтому мне приходит в голову спуститься к нему. Стучу в дверь.

– Да? – спрашивает Лео.

И я открываю. На его постели Карла в трусах и майке. Сам он одет только в джинсы, верха нет. При мне, если только это не форс-мажорные обстоятельства, он всегда в футболке. Голова у него мокрая после душа.

– Извините, – говорю.

– Ты что-то хотела? – спрашивает Лео.

– Ничего неотложного, – отвечаю.

Я направляюсь на кухню, чтобы взять себе пачку попкорна и умыть её в одно лицо. На кухне опять Келли, на этот раз не сам – с ним Марлис и Роза. Ладно, мы с Лео приезжие, но у этих ребят есть свои дома?

На столе лежит распакованная коробка с конфетами и две чашки с чаем.

– О, Лея! Ты как раз вовремя! Садись с нами чай пить! Вот и Келли тоже себе заваривает.

– Ей на ночь вредно жрать конфеты...

Закончить он не успевает, потому что Марлис со строгим видом предлагает ему «заткнуться». Что интересно, он слушается.

Мне не очень хочется лежать сейчас наверху в чужой спальне и пережёвывать мысли о Лео и Карле. Туда-сюда гонять их по кругу, пока голова не начнёт раскалываться.

– Спасибо, с удовольствием присоединюсь! – объявляю своё решение.

И Марлис подсказывает:

– Вот, смотри, в этом буфете чашечки – выбери себе по вкусу, чай и кофе на столе. Мы цветочный пьем, ты какой любишь?

– Цветочный – это очень хорошо, – говорю.

Оборачиваюсь – Келли закатывает глаза, Роза сдержанно смеётся.

Вода в чайнике ещё горячая, времени уходит не много, чтобы его снова вскипятить. Я выбираю себе самую большую чашку с улиткой на боку и внутри на доньшке, заливаю пакетик кипятком. Аккуратно поднимаю её и, разворачиваясь, натываюсь локтем на то, чего не должно было быть за моей спиной – Келли. Кипяток выплёскивается мне на руку, и она

рефлекторно разжимается. От боли я вскрикиваю, и одновременно слышу:

– Вот же дура руконогая! Ты *их* чашку нарочно что ли расколотила?

– Это всего лишь чашка, Кел... – неуверенно бормочет Марлис.

У меня от огорчения размывается пол и вообще вся кухня, хотя боли я почти не чувствую – уже сунула руку под холодную воду.

Чуть позже, когда Келли просто ушёл, а Марлис убежала за средством от ожогов, Розмари проясняет для меня ситуацию:

– Этой чашке сто лет. Долго же она продержалась... Это был самый первый подарок Карле от Лео. На Рождество. Ему семнадцать было – только начали встречаться.

– Не бери в голову, – утешает меня уже вернувшаяся Марлис. – Карла уже давно из неё не пила. Готова поспорить, она даже не заметит, если мы ей не скажем.

– Я не скажу, – обещает Рози с улыбкой.

– Я тоже, – подмигивает мне Марлис.

Следующим утром, как только Карла появляется на кухне, я докладываю:

– Карла, извини, я вчера нечаянно разбила твою чашку.

– Пустяки! – отмахивается она. – Нашла из-за чего переживать!

– С улиткой, – осторожно добавляю я.

Карла на мгновение застывает, затем тоже с улыбкой предупреждает:

– Главное, Лео не говорите.

Мда, думаю. А что, если скажу? Уволит?

– Предлагаю сегодня вечером посидеть всем вместе на террасе. Сделаем репетицию перед Хэллоуином. Что скажете? – меняет тему Карла.

Лео забывает со мной даже поздороваться. Ну, вообще-то, они с Келли заняты с самого утра выуживанием из гаража досок для сёрфинга, велосипедов, палаток и прочего инвентаря. Всё это они запихивают в машину Келли, которая не сильно отличается от той, которую я видела вчера. Короче говоря, в неё не особенно-то всё это и влезает, поэтому они возятся весь день: одно увозят, возвращаются, увозят другое.

Уже вечером вся компания собирается на террасе, только Лео нет. Наверняка ему плохо, но я после вчерашнего не имею ни малейшего желания к нему заглядывать. Губа у Карлы уже выглядит намного лучше, если не приглядываться, то и не заметно ничего. Настроение у неё, однако, лучше не становится.

Кто-то купался в бассейне и, выходя, оставил лужи на бортике и гладкой цементной дорожке вокруг него. Я ещё подумала, что лучше бы эту дорожку сделали шершавой, потому что на мокром наверняка легко поскользнуться.

Именно это и происходит с Карлой, которая единственный раз за весь вечер встала, чтобы сходить в дом. Не ина-

че, в туалет собиралась – за всем остальным, включая пиво, салфетки, фисташки и прочее, бегают то Марлис, то Роза. Причём, я бы не сказала, что она прямо очень уж неудачно приземлилась – на пятую точку, но ор подняла такой, что у меня сразу возникли мысли об открытом переломе.

На её вопли даже Лео появляется – с тенями под глазами. Да, любые физические нагрузки заканчиваются для него болью. Но раз меня не позвал, значит, справляется сам.

– Что случилось? – он не на шутку встревожен, даже перепуган.

Его руки тянутся, чтобы осторожно ощупать её лодыжку, а мне словно кто-то вонзает нож в грудь. Но Карла быстро решает мою проблему:

– Отстань от меня! – орёт. – Руки убери!

– Карла! – одёргивает её Марлис.

– Успокойся! – одёргивает её Келли.

– Полегче, подруга! – одёргивает её Розмари.

Боже, я отворачиваюсь. Не хочу видеть сейчас его лицо. Вот просто выброшу его, сотру из памяти.

– Кто-нибудь будет сопровождать девушку? – спрашивает приехавший парамедик.

Секунду все молчат, и тогда Марлис идёт добровольцем:

– Ну, я могу, – без особого энтузиазма.

– Пусть Лея поедет! – изъявляет желание пострадавшая.

– А чего я-то?

– Ты лучше всех разбираешься в таких делах – присмот-

ришь там, чтобы всё по правилам было и всё такое... – жалобно вытирает она слёзы.

Со вздохом я плетусь за своей ультрамариновой сумочкой – там телефон и карточки, мало ли, что понадобится.

Всю дорогу до больницы Карла истерит и донимает парамедика вопросами. Ей говорят, что нет, мол, перелома там точно нет, максимум ушиб или растяжение связок.

– Вы что, думаете, ушиб – это ерунда? – набрасывается она на ошарашенного парня.

– Нет, я так не думаю. Но ничего угрожающего Вашей жизни тут нет! Успокойтесь, пожалуйста!

Она не успокаивается даже в приёмном отделении. Скандалит и там.

Пока ждём очереди на рентген, у Карлы случается срыв. Вначале она так горько рыдает, что мне приходится гладить её по голове. Чуть позже, выплакав самое наболевшее, она вдруг заявляет:

– Это он. Я знаю – это он.

– Кто? – спрашиваю.

– Он... *может делать такие вещи мыслями!*

– Какие?

– Такие, которые не можем мы – все остальные.

О, господи, думаю, она совсем двинулась.

– Хочет меня покалечить, чтобы сделать беднее возможностями, приравнять к себе. Сволочь! Но он мне не нужен, не нужен он мне, понимаешь? Всё равно уйду!

– Окей, – говорю. – Понимаю.

– Он даже придумал девушку себе найти, чтобы заставить меня ревновать. Можно подумать, ревность способна заставить снова полюбить человека!

– А ты откуда это знаешь?

– Парни говорили. Они все тогда пьяными были и... слишком громко придумывали, где бы Лео подружку найти. И Келли предложил самое дельное – в интернете. Они потом хором его регистрировали на сайте знакомств. И фотку даже там замутили, сейчас покажу.

Да, фото, которое она демонстрирует – это тот самый снимок. Таким я впервые его увидела на публикации, сделанной якобы специально для меня – он обнажён, но кадр, захватывает его только по плечи. Лео улыбается и зажимает ладонью лицо.

– Это Келли его сфотографировал, – объясняет мне Карла.

Всё выглядит правдоподобно и так болюче, как если бы мне драли все зубы разом вместе с имплантами. Но меня так легко не возьмёшь. Ну думаю, врёт, зараза. Просто унюхала шлейф... того, что ещё только возможно между нами, и теперь завертелась, как собака на сене! Или, как глиста на сковороде.

– А на каком сайте знакомств... он всё это делал?

Карла вмиг становится адекватной и настороженной. Уже совершенно другим голосом она отвечает:

– А он уже его удалил. И я не помню, что это был за сайт.

В конце концов, выясняется, что у Карлы небольшое растяжение. Ей на ногу надевают серый пластиковый сапог и отправляют нас домой. Такси она не хочет, поэтому сонный Келли приезжает за нами на своём претенциозном авто. Только в машине Карла успокаивается. Я вынимаю телефон – есть сообщение в Instagram. Он написал ещё два часа назад:

WTF_LEO: Как она?

Я отвечаю:

Betelgeuse: Ты забыл поздороваться.

Его ответ приходит почти мгновенно.

WTF_LEO: Мы уже виделись сегодня.

Betelgeuse: Виделись, но не здоровались.

WTF_LEO: Хорошо! Здравствуй, Лея! Как дела у Карлы?

Betelgeuse: Небольшое растяжение. Уже едем домой.

WTF_LEO: Спасибо.

Betelgeuse: Пожалуйста.

Глава 4. Грязь

Lykke Li – Sadness Is a Blessing

Есть люди, которых легко обидеть. Есть люди, прощающие окружающим слишком многое. Кто из них Лео? Лео молчаливый парень. Но в его взгляде всегда так много... противоречий. Это зеркальный многоугольник, где каждая сторона – его чувства и его восприятие всего, что окружает. В том числе и тебя.

Я просыпаюсь в одиннадцать. Снизу доносится гомон и временами раскатистый смех. Спускаюсь – Келли и Лео развалились на диванах в гостиной.

– Доброе утро, – говорит Лео, заметив меня.

– Доброе, – отвечаю.

Келли ничего не говорит, даже голову в мою сторону не поворачивает.

Марлис в холле гипнотизирует взглядом электрический контейнер с бигудями. Мне б её проблемы! Тут не знаешь, как раскрутить эти волосы, чтоб держалось.

– Чего это они там так ржут? – спрашиваю её. – Как кони, ей богу.

– А... это любимое развлечение от скуки – пишут послания моделям в Инстаграм.

– Каким моделям?

– Самым-самым. Ну там, Барбара Палвин, например, или

Наталья Водянова. Звёздам – тоже. Селене Гомез регулярно пишут – она в приоритете.

Марлис на мгновение замирает с бигуди в руках, закатывает глаза к потолку.

– Ладно. В общем, есть у нас в компании парень по имени Люк. Ну вот, если Келли выглядит придурком, то Люк на самом деле придурок.

– А серьёзные парни в вашей компании есть?

– Конечно: Джордан и Лео. Ну так вот. Люк реально кайфует от рассматривания хорошеньких девочек. Ну и однажды он написал Селене Гомез очень романтичное и ооочень оригинальное послание. Звучало оно примерно так: «Привет». Часов через пять он получил от неё ответное «Привет». Парни на ушах стояли! Люк даже маме позвонил, чтобы сообщить об этом феноменальном событии. Селена минимально поддержала беседу, спросила, как давно Люк является её фанатом – в таком духе. Но с тех пор писать знаменитым красоткам всякую чушь – любимое спасение от скуки у всех четверых. Правда, Гомез никому из придурков больше не отвечала.

– Слушай, а по сколько им лет?

– Кому?

– Да парням же!

Марлис поднимает брови, закатывает глаза и передёргивает плечами в одно и то же время:

– Ну, слушай! Девочки взростеют раньше мальчиков – это

всем известный факт.

– Мне кажется отдельные экземпляры так и остаются недоразвитыми до конца дней своих.

– Тоже факт.

После обеда Келли и Марлис уезжают по магазинам за продуктами и фейерверками для грядущего Хэллоуина. Не успевают они отъехать, как вдруг в доме начинает набирать обороты разговор на повышенных тонах. Мне никак не разобрать слов с террасы, потому что все окна закрыты и даже слайд стеклянной двери, которая обычно всегда нараспашку. Только одну фразу у меня получается точно услышать – она вылетает из узкого окна в холле рядом с комнатой Лео – вероятно, он сказал... вернее, рывкнул её, приближаясь к своей комнате:

– Завтра! Мы сделаем это завтра утром! Или я уезжаю, и мне плевать!

Её голосом на это вылетает ответ «Катись», ну или что-то в этом духе.

Вскоре возвращаются Келли и Марлис. И пока я усердно делаю вид, что читаю, а Келли чешет затылок, подыскивая подходящее место для картонок с фейерверками, со второго этажа снова слышится голос Карлы – на этот раз возмущённый. К тому моменту, когда Марлис выходит из дома, встречается со мной взглядом и закатывает глаза, всплеснув руками, Келли успевает установить не только фейерверки, но и механических ведьм и всадника без головы, подключить их

к электричеству и с довольным видом протестировать.

– Дурдом, – вздыхает Марлис. – Тут и без всей этой нечисти атмосфера как... а, ладно. Поможешь гирлянды развесить? Есть ещё паутина – надо на кустах растянуть.

– Помогу, конечно.

– Неужели! – негромко отзывается Келли. – А я думал, у тебя нафиг задница к креслу приросла! Целыми днями тут сидишь!

– А ты просил её? – орёт на него Марлис.

– А она слепая? Не видит фронт работы?

– Келли, отвали от неё, последний раз предупреждаю!

– Да брось, – говорю ей. – Пусть подходит – я встречу.

Марлис давит смешок и быстро переключается на проект «Подготовка к Хэллоуину».

Ближе к вечеру Карла вроде как восстанавливает своё настроение и соблазняет нас идеей устроить собственный СПА-салон.

– Завтра я должна выглядеть на все сто. На такие мероприятия, как то, которое ждёт меня утром, женщина должна являться во всеоружии!

– А тебе можно с ногой... в сауну? – указываю на очевидный факт.

– Фигня. Там не очень жарко.

Там очень жарко. И хотя мы ничего, кроме цветочного чая не пьём, мозги у некоторых плавятся, хуже, чем от алкоголя.

– Девочки, помогите снять камень с души, – неожиданно

для всех выдыхает Карла.

– Давай! Это легко! – подхватывает Марлис.

Она выдерживает долгую паузу, а мы все замираем в полнейшей тишине. Судя по вступлению, бомба будет водородной.

– Ровно год назад, в этот же день, я пережила аборт.

David Lynch & Lykke Li – I'm Waiting Here

Сауна турецкая, и в слоях белого пара сложно разобрать выражение её лица.

– О, господи... А Лео знает? – тихонько спрашивает Марлис, прикрыв от шока рот рукой – это мне хорошо видно.

– Нет.

– Постой, если год назад, это же... прямо перед аварией?

– Да.

Все мы молчим. Думаю, ни одна из нас не может найти в себе слов утешения для мук совести Карлы.

– Но почему, Карла? – не выдерживает Марлис.

– Мне пришлось. Вы многого не знаете, девочки.

– Ты, конечно, права, мы действительно «не знаем», но Лео был бы хорошим отцом. Если его в семнадцать такая новость не напугала, то теперь...

Марлис так огорчена, как если бы это был её ребёнок или же Лео был её братом или сыном. Розмари также с осуждением едва заметно качает головой.

– Не был бы он никаким хорошим отцом! Его вечно не было не только дома, но даже в стране и на континенте! Как

можно от такого рожать? Какая бы проблема ни возникла, мне всегда приходится решать её самой! Мы уже разговаривали только скандалами!

– Как же ты умудрилась, в таком случае, от него залететь?

– А! – отмахивается Карла. – Вы что, его не знаете?

Судя по тому, как они молчат – знают. И я не уверена, хочу ли знать «это» тоже.

– Ладно, извините, что грузу вас всем этим...

– Да ничего, – уверяем её хором.

– Марлис, расскажешь что-нибудь забавное из своих историй? Ты же у нас волшебница, наколдуй хорошее настроение!

– Ой, девочки, у меня и впрямь есть для вас кое-что! Сейчас оборжётесь! Знаете, что Келли выкинул на этот раз? Сделал мне предложение! – заявляет она со смехом.

– О! Поздравляю! – восклицает Розмари с настоящим хохотом. – Тебе несказанно повезло, подруга! Будешь теперь, как у Христа за пазухой!

Я не знаю, хохма это или всерьёз. Как себя вести? Поздравлять или прикалываться?

– Даже не думай, – холодно предупреждает Карла пару минут спустя, когда новость уже успела улечься и прижиться. – С ними прикольно проводить время, но не жить. Вы разве сами не видите? Они же мозгами ещё в старшей школе! Мы давно переросли их, но цепляемся по старой памяти. С прошлым всегда сложно расставаться, даже если оно вообще уже

никак не вяжется с будущим.

– Джейсон повзрослел, когда Мэри родилась – сама Сарина так сказала. Был разгильдяем, пока ребёнка на руки не взял. А теперь у них семья, и Мэри скоро шесть...

– Это только то, что вам великодушно показывают, а что остаётся за кадром, никто никогда не узнает.

– Лео – серьёзный парень. Это только Келли дурачок, да Лея? – подмигивает мне Марлис с улыбкой.

– Кто, Лео? – глаза у Карлы от природы большие и красивые, но сейчас они просто огромны и готовы засосать нас в воронку её возмущения. – Хотите правду, которую принято скрывать от друзей, родственников, а иногда и от самих себя? Ваш идеализированный, популярный и весь из себя растакой Лео на самом деле паршивый муж! Он никчёмный. Просто катится по жизни, как надувной резиновый мяч. Куда подует ветер его желаний – туда и летит. Спросите его о мечте, о цели в жизни. Знаете, что он ответит? «Жизнь слишком коротка, чтобы ограничивать её целями». Все годы, что мы были женаты, меня не покидало ощущение, будто я – бульдозер, который только и делает, что толкает перед собой неповоротливую, бесчувственную кучу с навозом!

– Мне показалось, у него, как раз, темперамент... Лео очень чувствительный, – впервые за эту СПА сессию открывается мой рот.

– Этот дом? – продолжает она, не отвлекаясь на мои реплики. – Да, мы покупали его вместе, мы вместе выплачи-

вали кредит, но, какова его доля? Хороший вопрос! А знаете, как он был против этой покупки? Мы снимали квартиру, неплохую, но квартиру! Он сказал: «Зачем нам дом? Чтобы выплачивать кредит за него, придётся работать днём и ночью без выходных. Тогда какой смысл в такой жизни? Мне и тут хорошо!». Я нашла этот дом, я заключила с банком договор. Я только и делала, что продумывала интерьер, ремонт и прочее. Сама! Где был в это время он? Правильно! Два месяца лез на Эверест. Где он был, когда подрядчик рыл бассейн и по двору расхаживали чужие мужики? Был частью группы придурков «Спасите коралловые рифы» и шастал по миру, снимая рифовые кладбища! Где он был, когда я строила эту сауну?

– Господи, Карла, пожалуйста, остановись... он же любит тебя!

– Ты что-то сказала про темперамент и чувствительность? Вы спали? – неожиданно обращается хозяйка дома ко мне.

– Нет.

– Конечно, нет! Иначе бы ты знала: он быстро кончает. Нельзя говорить, что тебе хорошо, нельзя обнимать его бёдра ногами – кончает. Нельзя громко стонать, засовывать язык ему в рот – кончает. Потом всегда просит прощения и говорит «ты слишком красива»!

I Know Places – Lykke Li

Я подсказываю. Это выше моих сил, и мне даже плевать на всё, чем я оправдывала своё пребывание здесь раньше.

Хорошо, что парней больше нет во дворе. После услышанного я не уверена, что моя мимика сейчас поддаётся контролю. Кутаюсь плотнее в полотенце и надавливаю ногой на куст гортензии – кажется, она говорила, это её любимые цветы. Стебель с хрустом ломается, и я выдыхаю. Наступаю на соседний – у самого основания, чтобы убить сразу все цветы в кусте, и как только под ногой ещё раз лопаётся стебель, выдыхаю ещё.

Слышу щелчок зажигалки. Оборачиваюсь – Карла закуривает сигарету в пяти шагах от меня. Раскурив её и затянувшись, приближается и смотрит на свои цветы. Я наступаю на третий куст, ломаю. Она затягивается ещё раз. Я ломаю четвёртый.

– Сигарету хочешь? – спрашивает и вынимает из пачки ещё одну. – Я не знаю, куришь ты такие или нет.

Это странно, но я теперь вообще не понимаю, почему считала её красивой. Она некрасивая! У неё слишком большой рот и глаза навывкате. И на носу горбинка.

– Я бросила.

– Окей, – говорит и щелчком откидывает её в сломанный куст. – Я не могу спать. Всё время вспоминаю его руки. Но это – болото. Не знаю, сможешь ли ты понять.

– Даже не хочу пытаться.

– Это не любовь, это жалость. Жалость тоже может привязывать, ты знаешь? Он и здоровым не сильно отличался от инвалида – такой же беспомощный, с щенячьим взглядом,

вечно чего-то ждущий. Я устала от него, я не хочу быть его матерью, а ему нужна именно мать. Он говорит про жену, а нужна ему нянька. Вечный недолюбленный ребёнок.

Карла подходит к соседнему кусту и наступает на стебель сама.

– Он предложит тебе замуж. Рано или поздно скажет об этом. А когда ты устанешь и захочешь уйти, это его добьёт. И он снова куда-нибудь въедет. Мы это уже проходили, когда я уходила в первый раз.

– А последний был какой по счёту?

– Третий. Решительный, – выдыхает и закусывает губу.

– Ты знала, что он разбился нарочно?

– Нет. Но допускала. Это в его духе. Хотя, инвалидность наверняка не входила в его планы.

– Зачем ты всё время пишешь ему?

– Проверяю настроение. Просто хочу знать, что живой.

– И спать спокойно.

– Спокойно уже никогда не получится. Я перестала быть способной на секс, Лея. Раздвинуть ноги можно, но что-то при этом ощутить – уже нет.

– Дай сигарету.

Она помогает мне прикурить.

– Уйди сейчас, пока не поздно.

Я затагиваюсь. Глубоко. С непривычки даже кашляю.

– Или уже поздно?

Я не отвечаю, захожу в дом.

Глава 5. Хэллоуин

Kina – Tell Me About You feat. Mishaal

Если двое общаются, в большинстве случаев это – обоюдная заинтересованность и выгода. Не всегда равноценная, правда, но никогда не стоит забывать о том, что в основе любых социальных поступков человека лежит эгоизм. Если мы что-то делаем, значит, зачем-то нам это нужно. Даже если мы думаем, что делаем это исключительно из альтруизма. Даже если мы непоколебимо в этом уверены.

К моменту моего пробуждения в восемь утра, ни Карлы, ни Лео уже нет. Есть только Марлис, она же мне и сообщает об отсутствии хозяев.

– Я выбила себе на сегодня выходной – нужно доделать праздничные инсталляции и подготовить конфеты для детей.

– Что их готовить? Купить просто, да и всё, – говорю.

– Ну, я бы хотела придумать что-то интересненькое – упаковать наборы, например – по шоколадке всех видов в каждый кулёчек и небольшую игрушечку-сюрпризик туда положить. Я уже всё купила. Но знаешь, тут такой район... претенциозный, много деток не будет, – кривится. – А жаль. Я с детства обожаю этот «trick or treat»!

– Я тоже, – соглашаюсь с ней, позабыв обо всех неопределённостях, сомнениях и душу рвущих намёках. – Я тебе

помогу!

– Да, я знаю! – улыбается. – Конечно, ты поможешь! Но у меня есть к тебе вопрос.

– Какой?

– У тебя купальник имеется?

– Нет. Октябрь же.

– Ну, смотри. Вечером все будут, скорее всего, плавать в бассейне. Карла уже подготовила свой наряд – чёрный бикини с черепами – крутой очень и открытый, – подмигивает мне.

Я понятия не имею, что у Марлис в голове за план. Но он явно есть.

– Знаешь, я тут справлюсь сама. Ты бы всё-таки вызвала такси, съездила в молл, купила бы себе всё необходимое. Народу вечером будет очень много – это уже традиция, и скорее всего, этот год последний. Они ведь все больше к Лео приезжают, чем к...

Она умолкает на пару мгновений и смотрит задумчиво на океан.

– Если бы тебе дали разок воспользоваться волшебной палочкой, чего бы ты попросила? – внезапно спрашивает.

– Здоровья. А ты?

– Чтобы Карла вернулась к Лео. Невыносимо на это смотреть. Разве можно так любить?

– Не знаю.

– Это неправильно! Ненормально! Так быть не должно!

Почему она не видит, как ему больно? Развод ещё этот...

– Какой развод?

– А, ты ж не знаешь! – трясёт ладонью перед моим носом. – Ну, фактически, это то, из-за чего вы приехали. Просто всё дело в этом доме... Карла настаивала, чтобы Лео подписал всё в присутствии юристов, чтобы потом никаких вопросов не возникало.

– О чём ты?

– О доме. Лео оставляет Карле дом... ну, потому что она же здесь всё... создавала. Это её детище, так сказать. Но я, знаешь, что думаю? Это несправедливо! Ситуация, конечно, сложная, но они должны найти такой выход, чтобы обоим было хорошо! А не так, что основной семейный актив достанется только одному. К тому же, это теперь Карла так хорошо зарабатывает, а первый взнос за дом Лео внёс, насколько я помню. И моргидж вначале он платил. Позже уже, когда Карла начала участвовать во всех этих гимнастических шоу на телевидении, у неё появились деньги, а до того...

– Ты сказала, семейный актив?

– Ох... – вытягивается лицо у Марлис. – Ты и этого не знаешь... Сегодня они поехали к юристам – уже всё оформили, всё подписали. Официально больше не муж и жена. А на деле – посмотришь на него, когда приедет. И Карла тоже – сама же всё это и начала, а тянула и тянула, всю душу ему вымотала. Да и нам тоже.

– Сомневается?

– Как собака на сене. И хочет его, и нет. Вернее, хочет она его, это точно, но только так, чтобы он по её правилам жил. И дом ещё этот... я зла на неё. Я думаю так: если уж парень отдаёт тебе всё, так хотя бы имей достоинство, уважай его и не устраивай драму!

Я закрываю лицо ладонями:

– Господи, ну и жара тут у вас... Голова раскалывается.

– Хочешь Адвил? Я принесу!

– Нет, спасибо. Я сама.

Мне бы ещё от тошноты чего. И для поддержания морального духа. А ещё лучше снотворного, чтобы уснуть и проснуться где-нибудь в Италии или Испании в объятиях охрентельного мачо. Бойся своих желаний.

Торговый центр срабатывает не хуже: все эти инсталляции и украшения к празднику, переодетые школьники и улыбочивые продавцы магазинов, ни в один из которых я не захожу, потому что, не переставая, кручу и кручу в своей голове кусочки пазла – услышанное и увиденное за последние дни, всё это потихонечку поднимает настроение.

Я думаю, отсюда его злость. Ему нужно, чтобы хотя бы один человек любил его просто так, за то, кто он есть, а не за то, как много он может дать. Но самое главное, нужно, чтобы хоть кто-то поверил в него. И мне приходит в голову, что такой есть – я. Но сила не в словах, сила в поступках, поэтому я напрягаю все свои извилины в попытках придумать, как показать обществу, что лично для меня Лео са-

мый-самый? Причём эта общественность – его ближайший круг. Фактически семья.

Белый купальник – мой нехитрый план.

Kings Of Leon – Beautiful War

К моему возвращению во дворе и в доме уже полно народу, и гости продолжают прибывать.

– О! Лея! Мне нужна твоя помощь, – восклицает Марлис, едва завидев меня. – Но прежде: ты купила купальник?

– Да.

– А костюм?

– Костюм у меня есть.

– Отличненько! Всёёё супер! – тогда переодевайся поскорее и начинай жарить сосиски на барбекю. Келли булки уже поджарил для хот-догов, и теперь говорит: «Жарко ему!», – передразнивает его бас.

Конечно жарко. В костюме... говна.

– Тебе идёт, – делаю ему комплимент.

– Серьёзно! Ха! Я так и знал! Я знал, что понравлюсь тебе, пони! А где твой костюмчик, кстати? Я тут видел такой, знаешь, с радужной гривой... и охрененным задом – как раз, вот прям для тебя!

– Это и есть мой костюм, – объясняю.

– Пижама? Серьёзно? Ха-ха-ха, – скалится. – Нет, ну даже от тебя не ожидал такой тупости!

– Пошёл ты! – в очередной раз предлагаю.

Когда Карла появляется в пижаме-комбинезоне, у меня

едва ли глаза на лоб не лезут. Серьёзно? Такая же, как у меня, пижама? Только чёрная.

– О-о-о! Ха-ха-ха! Ещё одна! – закатывается Келли. – Вы что? Сговорились? Это ваши костюмы, что ли?

Она сегодня чёрная кошка, а я серая... почти белая. Обе с фосфорными ушами. Внезапно Келли делается серьёзным и ищет глазами Лео. А Лео, похоже, уже давно нашёл... свою чёрную кошку. Когда он думает, что никто его не видит, он смотрит на неё. Смотрит так, будто находится в другом измерении, и ему плевать на всё, кроме своей личной трагедии. Мы не только больше ни разу не посмотрели кино вместе с того вечера, когда Карла прервала нас, но и почти не разговаривали. Да что там, даже виделись не всегда.

Я отворачиваюсь.

Сарина и Джейсон взяли на этот раз с собой ребёнка, и так как меня назначили ответственной по сладостям, я решаю начать с Мэри.

– Привет, – подхожу к ней.

Девчонка пялится на меня исподлобья и молчит.

– Привет, – делаю ещё попытку.

Она продолжает очень недобро пялиться и даже не думает здороваться.

– Подарок хочешь? – спрашиваю выцветшим тоном.

Ни слова в ответ. Даже мохнатый и весь такой уютный на вид комбинезон кота не помогает.

– Как хочешь, – говорю. – Скажу твоей маме, что ты

невоспитанная. А подарки отдам другим детям.

Детям, которых нет. Никогда в жизни не думала, что буду с такой надеждой и нетерпением ждать детей в Хэллоуин. Просто быть со взрослыми сегодня – это бóльшая пытка, чем иметь дело с маленькими чудовищами. Может быть, если бы у меня завелось своё собственное, я смогла бы лучше их понимать?

Я отвечаю за две вещи: конфеты и сосиски. Сосиски для хот-догов, которыми сегодня угощают всех гостей.

– Может, ещё что-нибудь? – неуверенно спросила Марлис, услышав план Карлы по хэллоуинскому меню.

– Перетопчутся! – был её ответ.

Лео отсюда, из зоны барбекю, для меня практически недосягаем: он расслабленно полулежит на диване рядом с самым вонючим на этой вечеринке говном, ржёт, опять же, с ним же, над его же тупыми шуточками. В их группке всегда толпится куча народу – сидячих мест на диванах хватает не всем, поэтому многие перетасили сюда плетёные кресла из релакс зоны у самого бассейна. Обо мне бы кто подумал – весь вечер жарящей сосиски и ждущей жадных до конфет ребятишек, но некому. Зато мне есть, о ком думать и переживать – Лео за весь вечер ничего не ел.

– Сделай парочку и для нас с другом, – заказывает Келли.

– Ему сделаю, а ты сам разберёшься: вон булки, вот сосиски.

– Стерва!

– Куча дерьма!

В это мгновение раздаётся звонок входной двери.

– Присмотри тут за сосисками! – выдаю команду для Келли. – Это ко мне! Дети!

– Нет-нет! Это ко мне! – поправляет меня Карла.

Она уже несётся мимо на всех парах и со странной улыбочкой. Вскоре возвращается обратно не одна.

Мать моя женщина, вот это мужик. Вот это brutальный brutал. У него не борода, у него «поросль». Чёрная. В ширине его плеч поместится три Лео и половинка меня, даже голова у него больше, чем у Лео. На вид ему лет... сорок. Мой любимый возраст.

Все, похоже, в шоке. У Келли такое выражение лица... он даже на меня никогда не смотрит с таким отрицанием. Марлис выражает ужас всеми известными ей способами и даже беззвучно проговаривает: «Какого чёрта, Карла?». Розмари закрывает глаза рукой и качает головой. Только Сарина и Джеймс улыбаются, хоть и сдержанно.

– Добрый вечер всем, – здоровается он.

От тембра его голоса у меня аж мурашки. И не только у меня, похоже. Келли даже сменяет свою расслабленно-развязную позу на собранную и напряжённую. Этого мужчины так много во всех смыслах, чертах, линиях и оттенках, что Лео на его фоне – бледное пятно. А остальных парней, вообще, не видно.

– Это Норман, – объявляет Карла и начинает перечислять

всех нас.

На мне она запинается на долю секунды, потом всё-таки вспоминает моё имя. И эта доля секунды, пока тёмно-карие глаза Нормана смотрят в мои, мне кажется вечностью. Этот взгляд ясно, чётко, доступно каждому декларирует, что ум этого мужчины прямо пропорционален его физической массе.

Кажется, это Сарина бормочет «Добро пожаловать!», Норман только кивает в ответ.

Норман раньше занимался футболом, а теперь занят в киноиндустрии. Он не снимается, он снимает. В Калифорнии живёт давно. Да, он будет немного виски, и нет, он не голоден.

Карла выбегает из дома с вопросом:

– Ребята, кто-нибудь видел, куда я положила попкорн?

– Я не видел! – впервые с момента появления Нормана открывает рот Келли и смотрит на меня.

– Я тоже, – говорю.

– Я его съел, – с вызывающе ленивой наглостью объявляет Лео.

Это ж надо так развалиться на диване. В мирное время он никогда так себя не ведёт. Проще он.

– Что, весь? Там же пять больших пакетов было!

– Весь. Я голодный был.

И тут я понимаю, попкорн был куплен для... Нормана.

– Я сейчас закажу доставку! – подскакивает Карла с теле-

фоном.

– Не суетись. Нет необходимости, – приказывает ей Норман, не выделяя эмоций.

Kings Of Leon – Use Somebody

Лео не выглядит подавленным. Мне не нравится его прищур – две щели, как у танка. Когда он в последний раз так щурился, в доме потом была перебита вся посуда.

– Лея, дорогая, сможешь запечь вот эту спаржу? В фольге. Я уже всё вымыла тебе только запечь. Сделаешь?

– Ну... сделаю.

Уже через пять минут Карла снова около меня, на этот раз с чёрным стеклянным блюдом и соусом.

– Уже вынимай! Иначе перепечётся! Давай вот сюда! Да, аккуратно, ровненько, Лея!

Выложив стебли с ювелирной аккуратностью, Карла фигурно поливает их соусом.

Я думаю, стратегическая ошибка Карлы заключалась в географии. Просто ей не следовало усаживать этих парней рядом. Интересно, что там, где и без того было так тесно, нашлось место для Нормана. Преследуемые Карлой цели, в связи с его появлением, в общих чертах понятны, но события стали развиваться по совсем неожиданному и вряд ли желаемому ею сценарию.

Хотя собравшиеся на вечеринке люди и музыка создают слишком много шума, я очень хорошо слышу, что происходит в «вип» зоне.

– Оу... Это мне? – спрашивает Келли, как только Карла приближается к ним со своим блюдом.

– А, нет, Кел. Это для Нормана. Он просто не ест хот-доги...

– Красота требует жертв и тщательного ухода!

Чей это был голос? Кому он принадлежал? Может, Норман чего-то и не понял или не захотел понять, но мне очень не нравится то, что делает Лео. Глупый! Ты красивее его раз в сто, хоть и худой.

– Карла, это лишнее. Я же сказал – я не голоден, – Норман.

Лео выделяет очень нехороший смешок. Все слышат, и все выпучивают глаза. Но недаром сорок лет – мой любимый возраст: Норман молча тянет свой виски и даже не думает смотреть в сторону провокатора.

Не успеваю отвернуться, как вздрагиваю от звона – это спаржа полетела ко всем чертям. Я не видела, кто это сделал, но несложно и догадаться. И никто не смеет сказать ему даже полслова. Марлис всё молча убирает, пока Карла кусает в истерике губы.

Нет, я определённо люблю сорокалетних. Мужик – кремень. Выражение его лица: «Не пристало нам, львам, метать бисер перед свиньями». Он с особым вниманием разглядывает Розмари – видно для него её цветная шевелюра – самое интересное здесь.

Наконец, в дверь опять звонят. Это дети. Вот же нехста-ти, думаю. Бегу, со скоростью звука набиваю им ведёрки сла-

достяями и возвращаюсь обратно. Лео нельзя оставлять без присмотра.

– Может, поплаваем? – предлагает кому-то Карла. – В бассейне...

Таким неуверенным и дрожащим её голос ещё не был. По крайней мере, я не была свидетелем таких её метаморфоз.

– Норман, как ты? Насчёт искупаться? – пытается спасти ситуацию Марлис.

Её улыбке нужно поставить памятник – даже мне иной раз тяжело устоять. И она точно, совершенно точно сработала бы, если бы... ох, если бы не Лео.

– Не в его возрасте, Мар. Предложи кому-нибудь... другому.

– Слушай, парень. Тебе сегодня яйца чем-то прищемило? Ну так я могу их оторвать, чтоб больше не беспокоили. Помочь?

Чёрт. Я переоценила сорокалетних.

– Давай!

Выражение лица у Лео... господи, лучше б оно было унылым.

Мать честная, думаю, ну всё. Ханантус.

Kings Of Leon – WALLS Trilogy

Коляски, как сдерживающего фактора, нигде нет поблизости – не знаю, куда эти идиоты её подевали. И ведь, он же сейчас на равных полезет в драку, а потом будет подыхать от боли, хорошо ещё, если успеет кулаками помахать до того,

как его прихватит.

Мои руки растёгивают молнию комбинезона прежде, чем мозги успевают сообразить, что им делать.

Я не красавица, ничего даже близко такого, но белый купальник – почти беспроегранный вариант – они смотрят на меня. Вначале не все, а потом все. Не только мальчики, но и девочки тоже.

Он не просто белый, он белый со всеми вытекающими.

– Я! иду купаться, – сообщаю общественности.

Марлис соображает быстро – ныряет вслед за мной. Кто-то врубил музыку на всю громкость – наверное, Келли, чтобы заткнуть Лео хотя бы так.

Вслед за Марлис ныряет и Карла. И Розмари. В купальниках больше никого нет – теперь ясно, это и был способ Карлы выделиться на общем фоне.

Четыре русалки, но всех интересует та, которая в белом. Ткань намочка, и все ждут момента, когда русалка выползет погреться на берег.

Я вцепляюсь руками в бортик – просто, чтобы вылезти нужна смелость. Храбрость нужна. План у меня, конечно, гениальный, но чёрт возьми! Этот манёвр не из моего репертуара.

У парней – у всех, даже у Келли – красноречиво начинает выделяться слюна. Ожидание – тот ещё афродизиак. Я, конечно, не Карла, но белому купальнику ей вряд ли под силу противостоять, тем более, что в этот период своей жизни она

никак не выйдет из образа синего чулка. Они все на меня пялятся. Никто не хочет пропустить момент «из вежливости», любопытство, и не только оно, неумолимо берёт верх.

Внезапно Норман поднимается с места и неторопливо переставляет свои кожаные туфли в моём направлении. Это туфли для самых обеспеченных, и постукивание их каблучков о цемент дорожки не оставляет в этом сомнений. Костюм у Нормана также не для Хэллоуина – слишком элегантный, слишком дорогой и слишком красивый. Да я, вообще, впервые в жизни такой вижу. Он молча, но прищурившись и растянув свои губы в хитрящей улыбке, протягивает мне руку. Мне, а не Карле, которая повисла на бортике в метре от меня.

Из всех присутствующих меня интересует только один человек. И этот человек именно теперь выглядит так, словно его ударили наотмашь. Вот он, ответ Нормана. Как этот плут связал из всей кучи народа меня и Лео, если мы даже не подходили друг к другу? Мы даже словом за весь вечер не обмолвились. Что он увидел?

Лео на мгновение приближает ладонь к лицу, но тут же убирает её и отворачивается. Поставил на мне крест, тупица. Зря ты так, Лео, торопишься.

Я опускаюсь с головой под воду и выныриваю так резко, как могу, чтобы легче было подтянуться руками на бортик. Норман отскакивает, как ошпаренный, даже смешно, но в целом, правильно – иначе бы я вмяла макушкой его нос в его же мозг. Это само собой так вышло – не по плану.

– А я думала, люди в сорок лет поумнее будут, – говорю ему, как только получается вылезти и выпрямиться.

Музыка орёт так, что я сама себя еле слышу. Но Норман всё понял, судя по тому, как сузились его глаза и только раз двинулись скулы. Он смотрит в глаза и не отвечает – видимо, с женщинами готов обсуждать только своё меню – и очень шустро сменяет злость на улыбочку.

Subsets & Fallen Roses – Underwater (ft. Ayelle)

До Лео остаётся добрых метров пять, когда он снова встречается со мной взглядом. И наблюдать за тем, как меняется выражение его лица, ещё интереснее, чем облом Нормана. Мои колени касаются его колен, и он уже знает, что сейчас будет НЕЧТО. Азарт предвкушения в его глазах так велик, что Лео не додумывается взглянуть на то, чего все так ждали – мой мокрый купальник. Он вглядывается в мои глаза – пытается прочесть в них мои намерения и ждёт.

Ну, Лео, хотя бы на этот раз не подкачай! – прошу его мысленно.

И просто склоняюсь над ним и прижимаю свои губы к его губам.

Совсем не так, как в прошлый раз, а только понарошку, ради показухи. Я даже держу под контролем все остальные части своего тела, чтобы, не дай бог, к нему не прикоснуться и снова не спровоцировать тот шквал неловкости, который уже оглушил нас в аэропорту полгода назад.

Полгода прошло. Полгода мы фактически прожили вме-

сте.

Он целует в ответ. Его рот... тёплый и нежный, сладкий. А у меня фиолетовые бабочки в животе – так щекотно, что подгибаются колени. Слабеют руки. Лео будто знает об этом – придерживает вначале за поясницу, и на контрасте после бассейна и октябрьского воздуха его ладони кажутся обжигающими. Почти сразу он опускает их на мои ягодицы и толкает на себя, так что я всё-таки оказываюсь у него на коленях. Мои руки и оставшаяся без опоры грудь буквально лежат на нём. А он не против, на этот раз – его ладони хаотично оставляют на моей спине, пояснице и ягодицах жаркие пятна.

Мне не хватает воздуха. Чтобы не задохнуться, приходится на мгновение оторваться, но его губы ловят меня обратно. Он прижимается не только ими, а весь, целиком, будто во мне спрятан магнит с противоположной полярностью, отрывает от меня по крохотному кусочку, пока не опрокидывает волю, а заодно с ней и сознание в полный нокаут.

Наверное, я просто не ожидала. Ну вот в голову не могло прийти, что он может целовать вот так! Я прожила двадцать шесть лет. Я встречалась с парнем. У меня были ласки и секс, иногда хороший, чаще не очень. Но до этого момента своей жизни я не знала, что такое поцелуй! Все цветные волны окружающего меня мира синхронизируются и собираются в одну ослепительно яркую вспышку, за которой разворачивается, обнимает и принимает в себя абсолют бла-

женства. Мне всё равно, где мы, кто рядом, зачем им глаза, мозги, способные осуждать, завидовать, злиться и изобретать коварные планы.

И потом я вдруг понимаю, что никакой показухи, похоже, что уже минуты две, как нет – этот самец сам ни черта не помнит, где он. Я кое-что чувствую там, внизу, на чём сижу... то, что определённо, абсолютно точно не было частью плана, и физически ощущаю, как моя собственная кровь приливает не только к щекам.

– О, боже... – не выдерживаю. – Меня сейчас...

Я хотела сказать «разорвёт», но не успела.

– Меня тоже... – признаётся Лео мне на ухо. Судя по нечёткости слов, у него губы опухли, как и у меня. – Пошли ко мне?

– Кино смотреть?

– Ага. Про любовь.

Глава 6. Первый раз

Knocked Up (Lykke Li vs. Rodeo Remix)

Daisy Gray feat. Emmanuel Franco – Solo

The XX – Together

В его ванной не оказывается ни одного полотенца, и мне приходится натянуть обратно мокрый купальник – не оставаться же голой. Он омерзительно холодный и липкий, поэтому я вначале держу его под горячей водой.

Лео уже на кровати, когда я выхожу из его ванной. Он сидит, свесив с неё босые ноги, и смотрит на меня нечеловечески огромными зрачками.

– Поцелуй меня! – это всё, что мне требуется услышать.

Всего три шага и одна половинка... чтобы оказаться между его раздвинутых ног. Всего один вдох и два удара сердца, чтобы прижаться к нему губами. Это как музыка, новый трек любимой группы, который только-только вышел в свет, и ты слушаешь его впервые, попутно наблюдая, как тебе сносит башню.

Моё сознание фиксирует смещение пространства, расплывающиеся слои красок, движение пятен. Моя память автоматически переключается в режим избирательности, и следующее, что попадает в её активную зону – я лежу на спине поперёк кровати. Лео почти сверху. Моё левое плечо намертво придавлено его грудью, живот сжимается от прикос-

новений его пальцев, а губы... они словно голодали, и теперь не могут наестся.

– Ты сверху... – предупреждает.

Его дыхание... истеричное. Мужчина в нём, само собой, пытается это скрыть, усмирить, успокоиться. Иногда он совсем перестаёт дышать и сжимает зубы, но не прекращает стягивать с меня намертво прилипший купальник. Мы целуемся, как умалишённые – с языками, охами (или это стоны), сталкиваясь зубами и сразу одновременно извиняясь. При этом, по тому с какой скоростью после этих извинений снова прилипаем друг к другу и опять же «клацаем» теми же зубами, совершенно очевидно, что обоим абсолютно наплевать на «облико морале».

В конце концов, Лео проигрывает вшитому в его личность стремлению блюсти достоинство:

– У меня давно... этого не было, – признаётся.

С этого момента он дышит как попало, более ни о чём не заботясь. Ему некогда – он нагло пялится ошалевшими глазами на мою грудь, потом осторожно хватается её сперва одной рукой и почти сразу же другой. Он делает это грубо и нежно в то же время. Так можно? Оказывается, да.

Впрочем, мне наплевать – я трогаю его везде, где могу дотянуться, и пальцами, и ладонями, и... языком тоже, да. И не всегда нежно. Слишком долго я запрещала себе даже думать, не то, что мечтать или вообразить всё это... трогание, сжимание и поглаживание, стискивание зубами, целование, об-

лизывание. О, Бог мой! Я не виновата... в этом. Разве можно призывать к ответственности одинокую женщину, кровь в венах которой близка к температуре кипения?

– Снимешь мою футболку? – глухо просит где-то между моими правой и... левой грудью.

– Давай...

Трясущимися руками хватаю её за края и сама же с него стягиваю. Откуда только силы взялись? От вида его обнажённой груди у меня голова кружится, рот наполняется слюной. И что странно, сейчас Лео совсем не кажется худым, даже напротив. При этом штанов на нём давно уже нет, и, хотя мне нелегко это принять, я сама их с него стянула ещё до начала полной ополоумевшей сессии трогания и... далее по списку.

Мои ладони обтекают его плечи, руки, обводят тату на тыльной стороне предплечья, гладят его грудь, живот.

– У тебя презерватив есть? – осеняет меня прямо посередине впитывания его обнажённой красоты «целиком».

– Нет, – качает головой, а в глазах мольба. – Я на живот...

– Окей... Скажешь, когда?

– Конечно... не беспокойся... У меня реакция, как у гепарда!

– У него скорость, а не реакция!

– А у кого реакция?

Всё это, само собой, обсуждается без отрыва от ощупываний. Думать некогда, поэтому выдаю первое, что приходит на ум:

– У колибри?

– ...у колибри, – соглашается, но, по-моему, он уже даже не помнит, о чём была речь.

От моего первого движения, вернее, нашего совместно-го движения, потому что его натренированные руки сильнее моих ног, глаза у Лео становятся похожими на карамельные океаны. Он на всё время «протискивания», которое сам контролирует (а разве могло быть иначе?), совершенно естественно перестаёт дышать и раскрывает их широко, потом, когда мы вжимаемся так плотно, как это возможно, у него словно кончаются силы держать их открытыми. Я тоже закрываю глаза. Вернее, они делают это сами, потому что от ощущений, которые распирают изнутри, весь внешний мир теряет какую-либо значимость.

Я умираю на мгновение. Потом буду болезненно сожалеть, но потребность признаться в этом сильнее гордости, разумности и достоинства вместе взятых и помноженных на сто, и я признаюсь шёпотом ему прямо в губы:

– Я бы с радостью родила от тебя ребёнка...

Я бы с радостью родила *вообще ребёнка*, хоть и предпочтительно от тебя.

Моя рука слишком жадно сжимает его в том месте, которое отвечает за детей, и ей не следовало этого делать. Он только успевает простонать «Ллля...» и тут же рывком практически отбрасывает меня к себе на живот. От ощущения тепла на поясице в довесок к одновременно извиня-

ющемся и обвиняющему взгляду Лео, я готова заплакать. Но он снова резко и без предупреждения сдвигает меня ещё дальше...ближе к его лицу, и я уже задыхаюсь от мысли об этом – я не знаю, каково это, ощущать на себе рот мужчины, его язык, губы – никто не делал для меня этого раньше. Я сжимаю спинку кровати зубами и едва ли не крошу её же пальцами, когда первый за последние четыре года оргазм снимает всё накопленное в моих мышцах и ответственных за рождение детей органах безумие... напряжение.

Lykke Li – Unchained Melody

Я просыпаюсь первой. И пока размышляю о жизни вообще и в частности, луч солнечного света взбирается с пола на кровать, вскарабкивается на мой нос и, когда, наконец, добирается до лица Лео, он открывает глаза.

– Ты не зашторил до конца окна, – говорю ему, морща лоб.

– Да? – вопрошает он сконфуженно.

Последние минут тридцать я пыталась припомнить, что было после концовки. Ну просто, её я помню, а что дальше – нет. Самое страшное и неловкое было бы, если бы я вырубилась прямо на нём, и ему пришлось бы потом меня перекладывать. Сил у этого парня ну очень много, как выяснилось этой ночью, но всё-таки как-то неловко. И ведь даже не пила! Иногда я сама от себя устаю. Мне очень-очень иногда не достаёт здравости.

Господи! Как можно, не выпив ни капли спиртного, быть настолько пьяной? И насколько пропашей душой надо быть,

чтобы в здравом уме переспать с парнем, влюблённым в другую?

Он смотрит на меня такими большими глазами, будто впервые видит.

– Лея... – начинает.

Но я не дам ему произнести это первым!

– Я знаю! – вскрикиваю. – Это была *катастрофическая* ошибка! И она больше не повторится!

Он только рот успеваешь открыть и застывает так, как рыба. Потом отмирает, закрывает его и согласно кивает.

Мне б сейчас простынь, чтобы завернуться и смыться куда-нибудь, но она всего одна. На двоих.

– Отвернись, – требую. – Мне нужно одеться.

Лео сразу же подчиняется. Я молниеносно натягиваю куртку, одновременно пытаюсь решить, должна ли ещё что-нибудь ему сказать напоследок? Лео просто трёт одной рукой то ли виски, то ли глаза, высоко подняв её над своим лицом.

Я не понимаю, что произошло. Я не понимаю, как, вообще, это могло произойти?

Глава 7. Татуировка

London Grammar – Baby It's You

Путь в мою спальню лежит через холл. А в холле на диване спит... идиот. Идиот, потому что сам подставился. Лёг бы в своей комнате, как все нормальные люди, смог бы избежать моей мести. Там на кухне я видела стакан на магните, прикрепленный к дверце холодильника, а в нём – канцелярские принадлежности. Кажется, торчал среди карандашей и перманентный маркер – один из тех, которые хрен сотрёшь.

Вначале я нависаю над ним спереди, но потом думаю, прибьёт же насмерть, зараза, если проснётся. Захожу со стороны макушки.

Завтрак я пропускаю. Море способно залечить любые душевные раны, даже самые болезненные. Лео прервал то, что могло в теории сделать меня беременной, невзирая на моё признание. И сегодня, в этот по южному тёплый и солнечный день, которых на самом деле не так и много в нашей жизни, мне всё равно, какими были его мотивы, даже если они самые разумные на земле, а мои желания самые безрассудные.

Я сказала ему, что хочу его ребёнка. И это самая большая прокламация любви, которую только можно себе представить. Больше просто не существует.

К моему возвращению проснулись уже почти все. Лео нахмурен и смотрит на меня – я вижу это боковым зрением и

избегаю сталкиваться с его взглядом напрямую.

– Доброе утро, – говорю.

– Доброе утро, – отвечают мне Марлис и Розмари. И Лео, кажется, тоже.

Я ожидала всего, но не приветливости. Просто то, как мы вчера ушли... с Лео... у всех на виду... Можно было и по-тише, в смысле, не так очевидно. Кто-то дал мне полотенце, кажется это была Розмари, чтобы прикрылась, пока до дома дойду. Надо бы поблагодарить, но... я не уверена, что это была она.

Келли выходит из бассейна весь мокрый, но ни разу не свежий. А на лбу – моя татуировка. Все прячут смешки и улыбки, переглядываются. Что, неужели никто ему до сих пор не сказал? Нет, с этого дурака станется и осознанно красоваться обновкой на лбу.

– Келли! – кричу ему. – Эй, Келли!

– Чего?

– Классная татуировка. На лбу, – показываю ему.

– Чего?

– Писюн, говорю, на лбу у тебя – тебе очень идёт!

Да, я старалась, когда рисовала.

– Что?

Вот же дурак, думаю.

– Иди в зеркало на себя глянь! – подсказываю.

Все уже просто покатываются со смеху, даже Лео улыбается. Келли доверяет в этой компании только одному человеку

– Марлис, потому и смотрит на неё, надеясь найти причину происходящего в выражении её лица. Она давится смехом и пытается кивать, что, мол, да, Лея, права – сходи в ванную.

Из ванной, а потом и из дома Келли вылетает с руганью и воплями.

– Кто это сделал? – орёт, указывая пальцем на лоб.

Упс, не получается оттереть, я знаю.

– Не я, – спешу ответить.

Я думала, он поймёт, а он вместо этого более мягким, совершенно не тем тоном, с каким разговаривал со мной раньше, вдруг говорит:

– Это не можешь быть ты, пони. Мы все знаем: ты была занята этой ночью.

И вот здесь я просто рефлекторно бросаю взгляд на Лео, он снова пялится на меня. И он серьёзен, невзирая на всеобщую истерию.

– Кто? – в очередной раз рывкает Келли.

– Да брось, Келли! Вчера тут было человек пятьдесят гостей, все уже разъехались – ты немного запоздал с расследованием! – объясняет ему Розмари сквозь смех.

– Ой, умора! А художник был талантливый и дотошный – все детали проработал, даже волоски и морщинки – всё, как надо! – захлёбывается Марлис.

Да, я умею рисовать, когда очень нужно. Это правда. Благо только вот этой ночью имела возможность созерцать очень выдающийся экземпляр.

– Вечером у нас самолёт, – слышу знакомый голос.

Тихий и какой-то... пришибленный что ли?

– Лея? – зовёт он меня.

– Да, я помню, – говорю и ухожу в свою комнату.

К обеду у дома снова паркуются машины – не так много, как накануне вечером, но и не мало. Я стараюсь затеряться в толпе бесконечных гостей. Я прячусь за спинами и головами, стульями и креслами, за толстыми стенами и тонкими перегородками. Я стараюсь избегать его взгляда, но каждый раз, когда мои глаза рассеянно плывут по толпе, он на меня смотрит. Он смотрит, когда я ем, и смотрит, когда пью. Я вижу его повёрнутое ко мне лицо боковым зрением, периферическим, и даже тем внутренним взором, который никак не могла обнаружить на занятиях йоги. Он смотрит на меня, когда я несущу переполненный салатник к обеденному столу, смотрит, когда несущу тарелки, когда бегу за салфетками и возвращаюсь с ними и кувшином лимонада.

Он больше не смотрит на неё. Он смотрит на меня.

И, честно говоря, я не верю в романтический исход наших отношений, но мысль всё же успевает проскочить: «Боже, как же примитивно у них всё устроено!». У парней, в смысле.

Он говорит мне, что хочет пить, и я наливаю ему лимонад молча и ни разу не взглянув. Даже когда протягиваю руку, и он вынимает из неё ледяной, покрытый туманом стакан, я упорно цепляюсь глазами за стекло, искрящуюся мутную

жидкость, плавающий в ней листочек мяты, свои пальцы, его пальцы. Когда они ложатся поверх моих, мой взгляд автоматически, неумолимо поднимается и сталкивается с его взглядом. Лео смотрит на меня бездной мудрости. Очень долгой, знающей все тайны, открывшей секреты, всё расставившей по своим местам и вычленившей из всей бесконечной массы главное:

– Я пойду, пойду на твоё чёртово обследование!

А потом добавляет нечто не менее важное, только совсем в иной категории ценностей:

– Только поцелуй меня!

Мне становится вначале стыдно, потом страшно и... почти не больно.

Глава 8. Алехандро

Mehro – Lightning

Меган не только была органически создана для лидерства, она агрессивно требовала, чтобы этот факт признавали окружающие. Взрослых это умиляло, особенно отца. Он часто повторял, что все лучшие гены рода достались Меган, и что её ждёт особенное будущее. На мои успехи он возлагал так мало надежд, что его абсолютно не волновали ни моё восприятие самой себя в окружающем мире, ни состояние духа, ни отгиски, оставляемые его репликами на моей личности. Например, он, прекрасно зная, что я слышу, но нисколько не переживая по этому поводу и не задумываясь о последствиях, часто повторял своим взрослым друзьям и тоже родителям:

– Меган – вот это характер! А мозги какие у девчонки! Впитывают, как губка, всё схватывают на лету! Даже страшно представить, что будет, если пустить её в политику! Она уже сейчас метит в премьер-министры. И знаете, что? Я ставлю на Меган! А эта, – тут он обычно кивал в моём направлении, – так... пустая трата сил, времени и денег.

Предполагалось, что мы, дети, слишком глупы или слишком заняты своими детскими играми, чтобы слышать и вникать во взрослые разговоры. Мать не любила, когда отец говорил так обо мне – её лицо всегда выражало скорбь и несо-

гласие, но она никогда с ним не спорила, не спешила на мою защиту. Возможно, она что-то и говорила ему наедине, но для меня было важно, чтобы хоть кто-нибудь, хоть раз сказал ему в лицо, что он не прав. Не прав списывать меня со счетов, когда моя жизнь только началась.

Ирония судьбы в том, что самый ненавистный в моей жизни человек оказался в некоторой степени прав. Интуиция? Могут ли родители, каким-то образом предвидеть судьбу и успехи детей и вкладывать силы в тех, кому их чутьё прочит перспективы? Может быть, и у людей возможно что-то вроде того, как орлица никогда не вмешивается в борьбу своих птенцов, зная, что в конце останется только один – самый сильный?

В нашем выводке сильной была Меган и прекрасно об этом знала. Даже слишком хорошо. Иногда в связи с этой излишней самоуверенностью с ней приключались казусы. Пока была жива мама, наша семья вела типичный образ жизни всех канадских семей среднего достатка – хотя наш, подозреваю, был ниже среднего, потому что родители никогда не приобрели собственного жилья, всегда жили в арендованных квартирах. Мы часто ездили на вечеринки к родительским друзьям, на озёра или пляжи заливов с ними же или на фермы за ягодами. Однажды накануне Хэллоуина мы выбрались с группой родительских приятелей и их детей на ферму за тыквами. Меган, как всегда, была в своём репертуаре – требовала признания её лидерства. Она командовала, а мы все

слушались. Но в какой-то момент, мы то ли её не услышали, то ли услышали, но проигнорировали (изредка случалось и такое) и она сама убежала в декорированный лесок. Вернуться к нам у неё не было никакой возможности – сделать это означало признать свою неудачу, как главнокомандующего – поэтому Меган упорно ждала два часа в леске, пока мы хватимся своего командира и рванём на поиски. Мы так и не хватились, сделали это родители, и мне, конечно, досталось за то, что бросила сестру и подвергла её рискам и невыносимым угрозам.

Меган действительно была умнее, ей всё давалось легче, но, когда твою гордость задела, ты из кожи вон вылезешь, чтобы доказать противоположное. И у меня однажды это получилось. В пятом классе мои отметки оказались выше, чем у Меган, «из принципа». Отец отправился разбираться в «шарашкину контору» – школу, по поводу того, как так вышло, что будущий Премьер Министр закончил год хуже, чем я?

Чем взрослее мы становились, тем громче внутри меня орало сопротивление. Сейчас я думаю, что отец давил моё чувство собственной значимости слишком усердно, и оно начало бунтовать. Вот просто из духа противоречия – бывает и такое. Будь он чуть хитрее и мягче – да хотя бы скрывал свои умозаключения и не провоцировал меня вслух, тратя силы, время и средства на перспективную дочь – я бы оставалась в тени и даже не вздумала взбрыкивать. Но он зацепил

во мне врождённую гордость, и она стала вредничать. Дерзила, демонстративно не повиновалась, отхватывала наказания, чтобы злиться и не повиноваться ещё сильнее. Всё это привело к тому, что Меган и отец в моём восприятии превратились во вражеский лагерь. Мы потеряли с ней не только связь, но и всякий контакт. В конце концов, моя родная сестра организовала для меня настоящую травлю в школе. А когда исчезла вместе с отцом, одним из самых больших моих страхов было, что люди узнают о моём позоре – меня бросили. Выбросили.

Сейчас, уже будучи взрослой, я вижу все те многочисленные пути и дороги, которые легко и непринуждённо избавили бы меня от бомжевания, и одна из них – другая система ценностей. Мне не нужно было бояться, что люди подумают или скажут, мне нужно было заботиться о собственном благополучии, а не о чужом мнении – этой, самой главной идее, никто из близких меня не научил, когда у них была такая возможность. Эту ошибочную установку я пронесу, как знамя, через всю свою жизнь.

За все шестнадцать лет, что я знала свою сестру, был один человек, который с самого начала не принял её лидерства ни в его органическом варианте, ни в пропагандистском – Алехандро – мексиканский мальчик, никогда не знавший своего родного отца, но обожавший мать. Календарно он был всего на год старше нас, но в реальности, мне казалось, его ум и опыт превосходил наш на годы. В последний раз я видела

его, когда мне было девять – за год до смерти матери.

Александр жил в городке Сан-Клементе вместе со своей мамой и отчимом. В этот же самый город мы каждый год приезжали на лето и снимали небольшой коттедж на побережье. К тому моменту, когда я и Меган пересеклись с ним в пространстве и времени, нам уже исполнилось по семь лет. День, когда это случилось, я почему-то помню особенно ярко – посередине июля в одной из самых жарких точек Северной Америки Меган была в своих сапогах из искусственного меха. Они доставали ей до середины лодыжки, и «варилась» она в них нещадно, но всё на благо «имиджа». Благодаря этим сапогам уже через пару часов за ней бегала стая девчонок. Тогда, в семь лет, мы ещё «были сёстрами», и она, подбежав ко мне, вдруг поделилась сокровенным

– Видишь, вон того? С длинной чёлкой, в чёрной майке? Он мне нравится...

Я уже давненько его «видела». Мальчишка был не просто симпатичным, улыбчивым и озорным, он излучал «особую» энергию, и она притягивала к себе, как магнит. Мне он тоже нравился. Вот уже несколько дней, как. Поскольку в мою голову было уже очень хорошо вбито, что я не представляю для людей никакого интереса, дальше вот этого «нравится» мои чаяния никак не распространялись. Я уже поняла и приняла, что такие красивые, интересные и популярные дети со мной играть никогда не будут, для них в этот мир пришла Меган.

– Давай соревноваться на рукоходах? Если я выиграю, я

тоже ему понравлюсь, – строит план обольщения Меган.

– Что я должна делать? – спрашиваю.

– Просто упали прежде, чем дойдёшь до конца.

На рукоходах я круче Меган, потому что меньше ростом, весом и обычно тренируюсь, пока она оттачивает искусство лидерства на своих подопытных последователях.

– Может, ты просто угостишь его батончиком? Если хочешь, я отдам тебе свой, – предлагаю.

Я ищу альтернативные варианты, потому что «Репутация». Репутация важнее конфет.

– Давай, – соглашается с моей идеей Меган. – *Потом* я дам ему и конфету, но вначале ты упали.

Я бы очень не хотела опозориться перед мальчишкой, но Меган говорит со мной таким ласковым тоном, что это даёт надежду на дружбу. Если она возьмёт меня в свою банду – это будет лучшим, что может сегодня случиться.

– Ладно, – сдаюсь. Уже далеко не в первый и даже не сотый раз, но каждый раз себя за это ненавижу.

Мы стартуем одновременно, и все дети на площадке за нами следят – уж что-то, а обеспечить внимание публики Меган всегда умела. Я, конечно, ловко и быстро впереди, но, не дойдя до конца две перекладины, падаю вниз, на песок. И делаю это неудачно – подворачиваю ногу. Из моих глаз хлещут слёзы, кто-то из детей смеётся, кто-то неуверенно замечает:

– Смотрите, она плачет!

А кто-то положил мне на лопатку ладонь:

– А я ел кошатину.

От неожиданности, я даже забываю о боли и позоре.

– Врёшь! – говорю.

– Вру. А ты умная. Очень больно? – спрашивает он с таким серьёзным выражением лица, что я мгновенно чувствую себя лучше. – Дай-ка, посмотрю.

Он разглядывает мою ступню и даже с деловитым видом что-то там ощупывает, затем выдаёт вердикт:

– Перелома нет.

– Откуда ты знаешь? – спрашиваю.

– Кость бы торчала. А так, немного поболит и пройдёт. У меня такое уже было. Трижды. Меня зовут Алехандро, кстати. Я видел, как ты тут лазала раньше – пять кругов туда и обратно – это вау! Мой рекорд – три. Как ты умудрилась упасть?

– Р-р-рука соскользнула... – мямлю.

– Рука... надо обязательно давать себе отдых. Батончик хочешь?

Глазам своим не верю – клубничный. Точно такой, как я люблю. Как тот, который я отдала Меган в качестве приманки для Алехандро.

Его глаза сощурены. Одного вообще не видно из-за чёлки, постриженной наискось и достающей до его подбородка. Его выработанная тяжёлым фэшн-детством привычка откидывать её набок, резко мотнув головой, уже стала для меня

одним из проявлений совершенства. А второй его глаз вдруг совсем не по-детски мне подмигивает.

На следующий день Меган приносит ему свой Тетрис, а он, поиграв минут пять, возвращает его обратно и предлагает виртуозную игру в догонялки, когда лов может бегать с открытыми глазами только по земле, а если влезает на любое сооружение детской площадки, он должен их закрывать. Я очень люблю эту игру, и почти никогда не проигрываю. Но в тот день я злюсь на Алехандро, потому что он, не стесняясь, гоняется только за мной, остальные же интересуют его постольку-поскольку. Меган, конечно, это замечает, и такое положение дел никак не устраивает её лидерскую сущность.

– Эта игра уже надоела. Скучно! Давайте играть в «Правду или действие»?

Детей увлекает и её идея, и её авторитет, тем более, что всем давно действительно приелось наблюдать, как Алехандро пытается поймать меня. Они залезают в деревянный домик под горкой, мы с Алехандро висим на перекладине.

– Алехандро! – кричит Меган. – Ты идёшь или нет?

– Нет, – отвечает он. – Терпеть не могу эту дурацкую игру.

И смотрит на меня своими необычными глазами, на этот раз обоими, потому что чёлку уже откинул.

– Ты классно лазаешь.

– Спасибо, – благодарю его и, конечно, от смущения краснею.

– Идём на берег? – спрашивает шёпотом.

– Идём, – так же шёпотом отвечаю.

Океаническое побережье было расположено всего в десяти минутах от нас – родителям было не по карману снимать виллы на первой линии – но ходить туда самим, без взрослых, нам запрещали. И пока я, засунув руки в карманы шорт, точно так же, как Алехандро, с довольной улыбкой шагала рядом с ним, моя разумность вопрошала, будет ли сегодняшней день тем днём, когда отец впервые поднимет на меня руку? Он не был человеком, которого я любила, он больше обижал меня, чем заботился, но никогда прежде не бил. Не ударил и на этот раз.

Ещё через несколько дней Меган подхватывает простуду и ей позволено весь день смотреть телевизор. На площадке никого нет, кроме Алехандро, потому что с утра прошёл вялый летний дождик.

– Хочешь, я покажу тебе свой тайник? – спрашивает он меня.

И когда видит, как загораются мои глаза, улыбается своим большим ртом довольной от уха до уха улыбкой. Он ведёт меня на речку, которая по сути своей довольно полноводный, но всё же окружённый небольшим леском ручей. Мы долго пробираемся сквозь тоннели в кустах выше нас ростом, и Алехандро несколько раз спрашивает, не страшно ли мне. А я, что поразительно, и что впоследствии многократно буду анализировать, совсем ничего не боюсь, ни в чём не сомневаюсь, и полностью ему доверяю. Ни на одну секунду

мой семилетний и привыкший доверять только самой себе мозг не заподозрил никаких угроз. Их и не было.

В укромном и очень уютном месте, где ручей разливался так широко, что действительно походил на маленькую речку, был спрятан кузов старого автомобиля. Ржавчина уже почти полностью съела его краску, неизвестность – колёса и сиденья, но даже так было ясно – когда-то он был красным и очень дорогим. А теперь ещё и любимым. Пол кузова кто-то выстлал старым ковром, в нишах, вмещавших когда-то магнитофон, бардачок и прочее, этот же кто-то соорудил полочки и хранил в них свои сокровища. Вместо водительского сиденья был установлен старый деревянный стул, также накрытый яркой и довольно приличной на вид красной тканью.

Александр, самой собой, в первую очередь показал мне, как круто он «водит», производя все нужные звуки и главные манипуляции с рулём и сохранившимся рычагом переключения скоростей. Я уселась на пол и с уважением наблюдала за нашим «движением», а после, когда он меня уже «прокатил», мы дошли до самого интересного – сокровищ. Боже, чего тут только не было! Старые пластинки, журналы, книги о приключениях, детские игрушки – чаще железные автомобили – рождественские стеклянные шары с падающим снегом в количестве пяти штук, шелкунчик, фарфоровая чашка с изображением часов с кукушкой и еловых веток – впоследствии меня не раз угостят из неё колой здесь же – морские раковины, корпус краба, но самое главное – цветные, отшли-

фованные морем бутылочные стёкла. Предела моему восторгу не было – я собирала точно такие же на берегу. Некоторые из них были склеены между собой, и если приглядеться, то можно было увидеть «секретик», спрятанный в месте склейки.

– Хочешь один? – гостеприимно спрашивает меня Алехандро.

– Конечно! – отвечаю, не веря своему счастью.

– Выбери.

И я выбираю тот, в котором спрятана маленькая металлическая улитка с розовой раковиной. Очень знакомая на вид улитка.

– Любишь улиток? – усмехается Алехандро.

Я не то, что бы очень их любила, просто из всех его сокровищ, именно это показалось мне самым красивым – коричневое и зелёное бутылочное стекло, а между ними улитка. Улитка, очень сильно похожая на мою.

– Люблю, – говорю зачем-то.

И вот тут уже его глаза загораются.

– Моя мать называет меня улиткой. Говорит, я слишком медленный!

Мы смеёмся немного, потом он изрекает свою первую философскую мысль:

– Я не против. Улиткой быть классно.

– Почему это?

– Она всегда носит с собой свой дом.

В тот жаркий южный день я и понятия не имела, какой судьбоносной окажется для меня эта ассоциация.

Глава 9. Не медовый месяц

And You Don't Even Know You Hurt Me – Nick Murphy

Иногда мы словно ползли друг к другу на четвереньках, иногда подкрадывались на цыпочках, но ни разу не шли уверенно напрямик.

Ноябрь в Ванкувере – это не ноябрь в Калифорнии, и мой подопечный мёрзнет. Я еду в Спорт чек и выбираю ему самую тёплую, удлинённую, пригодную как для обычной жизни, так и для хайкинга парку. Новые технологии обещают лёгкий вес и сохранение тепла при минус двадцати пяти градусах. Впрочем, ниже нуля в Ване почти никогда не бывает.

– У меня кое-что есть для тебя, – вручаю ему свёрток.

Лео смотрит вначале на упаковку, потом на меня, и в глазах его конечно вопрос.

– В Канаде сегодня день подарков, – отвечаю на него. –

Очень уважаемый день.

– А... – начинает он было.

– А ты не знал, поэтому освобождён от ответственности.

В следующем году уже будешь знать, и смотри не забудь!

Впервые мне стало страшно из-за тепла. Это была ночь, меня разбудила необходимость сбежать в туалет, и когда я вернулась, вместо остывшей постели меня ждало пятно не моего тепла. Вначале было очень приятно – вместо того, чтобы согнуть ноги в коленях и прижать их к животу, как я де-

лаю всю свою жизнь, когда пытаюсь согреться, они сами собой вытянулись. Я лежала с закрытыми глазами и прислушивалась к солнечным зайчикам внутри себя, они делились и множились, как клетки – быстро и неумолимо, пока до меня не дошло, что сама я теперь излучаю гораздо больше тепла, чем когда-либо.

Потом стало страшно. Мне не хотелось отвечать на вопросы, стоящие передо мной во весь рост. Я отворачивалась и пыталась игнорировать даже самый главный из них: «Что я делаю в его постели? Что я делала в ней вчера и позавчера?». Куда всё это приведёт, если с самого начала известно, что для него этот путь тупиковый?

Мы с Тьяго спали не только в разных постелях, но и в разных комнатах. Между нами был секс, но мне с самого начала хватило ума понять, что ждать большего бессмысленно. И я не позволила этому большему родиться и внутри себя, начертила границу. Хоть внутри этой границы, хоть снаружи всегда было холодно.

Почему теперь границ нет? Просто момент был упущен. Причём задолго до того, как у нас случилась первая близость.

У Лео немного приоткрыт рот во сне. Интересно, как часто ему снится Карла? Потому что днём, я знаю точно, она не покидает его мыслей. Мне кажется, я даже могу видеть её образ, когда он задумчив, а задумчив он практически всегда.

Странно осознавать, что принадлежит он не мне, а спя-

щим вижу его именно я. Ведь это так интимно – видеть человека спящим. Хотя, сколько я наблюдала людей на улицах, никогда не было вот этого щемящего чувства внутри, желания обнять, спрятать от всех. Сама, когда жила под открытым небом и ещё до того, как обзавелась палаткой, всегда старалась максимально спрятаться, а если не удавалось, то закрывала хотя бы лицо. Был у нас один чудак, который разговаривал только сам с собой, поэтому никто не знал его имени, но у меня почему-то всегда было чувство, что оно должно начинаться на «М», так вот, он прятался за раскрытыми зонтами – всегда чёрными. Было у него штук десять таких зонтов, из них он сооружал себе домик, скрывал в нём не только себя, но и свои ценности – тележку со всяческим хламом, которую всегда возил за собой. Он и ел тоже так – закрывшись от мира чёрными зонтами.

В комнате теперь совсем светло, а я вот уже несколько часов охраняю сон Лео и изучаю его лицо. Когда его больше со мной не будет, я смогу закрывать глаза и включать эту картинку. Он будет виртуально рядом, расслабленный, доверяющий, размеренно дышащий, а я стану смотреть на его открытые губы и мечтать дальше – вот-вот он проснётся и потянется ими ко мне, но не для того, чтобы поцеловать, а чтобы просто прикоснуться, потому что иначе ему не прожить этот день, не одолеть его физически. Потом, несмотря на то, что ему нужно спешить на работу, он тоже будет долго рассматривать моё лицо, и не потому, что ему понравился

секс, и он хочет повторения, а больше ему не с кем, а потому что хочет меня запомнить на будущее, чтобы закрывать глаза и думать обо мне, когда меня не станет.

Он открывает глаза, смотрит пару секунд на меня и снова закрывает.

– Который час? – спрашивает.

– Утро, – отвечаю.

– Опять дождь?

– Угу. До мая.

Он секунд пять молчит, потом говорит:

– Мне нравится.

А днём мы оба, как обычно, притворяемся, будто не знаем, что происходит в его спальне ночью.

I work for the Universe – Nick Murphy

В эти осенние дни красота живёт пусть не снаружи, но внутри меня. Впервые в жизни осень не вгоняет меня в тоску, не возвращает воспоминания о том, как тяжелы ночи в холода и дожди, если у тебя есть только ты сам и небо над головой. Да и дни не особенно легче.

И я впервые ощущаю физически и духовно, какой может быть обратная пропорциональность. Чем холоднее становятся вечера и ночи, чем дальше уносит ноябрьский ветер опавшие листья, чем безнадежнее затягивается свинцом небо и чаще поливает нас дождь, тем теплее и уютнее в нашем маленьком мире. То, что началось и существовало только ночью незаметно и неумолимо прорастает в наши дни. Самое

интересное, что ни один из нас в то время даже не догадывался об этом. Но настанет момент, и жизнь поставит каждого перед фактом... хоть и в разное время.

Кафе ассоциируются у меня со словом «тепло». В них даже свет по-особенному тёплый, уютный, что уж говорить о запахе свежей сдобы и кофе с молоком. Мы сидим во вьетнамском чайном доме и неспешно потягиваем душистый жасминовый чай. Лео из всех ароматов предпочитает именно жасмин, а я всматриваюсь в вещи, которые его привлекают, принохиваюсь к запахам, которые нравятся ему, пробую на вкус его мир.

Это тот редкий вечер, который возможен только в начале ноября: жара осталась в августе, а северный холод и ледяные январские дожди ещё до нас не добрались. Стройный высокий клён, закованный в асфальт, засыпал тротуар сухими листьями; скомканные солнцем, свернутые, они похожи на золотые осенние розы. Город ленится, притих, словно утомился за лето, и над домами и улицами поселилась мягкая, тёплая, купающая последним в этом году солнцем, осенняя тишина.

– Ты похож на осень, – говорю ему.

– Я?! Почему?

Лео не улыбается, но в его глазах мгновенно начинается искриться оживление, любопытство.

Я не хочу отвечать. Красота необъяснима.

Мне приходится сделать над собой усилие, чтобы думать

о насущном, а не о прядях его волос, лезущих ему в глаза и льнущих к его шее вместо меня – они снова отрасли. И день мгновенно становится ночью, и там, в темноте, мои губы снова и снова целуют его шею, ключицы, плечи, губы, впитывают его тепло, нос собирает молекулы его запаха. От всего этого так сильно кружится голова, что кажется, будто земной шар в последние месяцы ускоряет своё вращение, и наши ноги вот-вот начнут сами собой отрываться от земли и парить над ней.

– Гм-гм, – бужу сама себя.

Сегодня мы выслушали вердикт – нужна операция. Возможно, она будет долгой и сложной, поскольку проведённые исследования не дали однозначных ответов – причина боли не выявлена, и в нашем распоряжении есть только версии. Самая вероятная из них – осколок, который не видим ни на одном из снимков, но который подвижен и воздействует на нервные окончания при физических нагрузках. Мы знаем, где его искать – это разбитые и уже зажившие за год позвонки в двух различных точках позвоночного столба. Во время операции их вскроют не только для того, чтобы найти возможный осколок или осколки, но и чтобы выполнить ещё одну операцию кифопластики – устранение последствий травмы. Дело в том, что у Лео позвоночник повреждён в нескольких местах, а после аварии его прооперировали только в одном таком месте. По словам врача, тогда, год назад, возможно картина была иной и показаний для дополнительной ки-

фопластики не было. Теперь есть.

– Давай решать... насчёт операции, – напоминаю.

– Это слишком дорого, – отрезает Лео.

Стоимости, которую нам назвали, не ожидала даже я – слишком сложная и длительная работа предстоит хирургам. Страховки, такой, которая покрывала бы подобную операцию, у Лео нет даже в США.

– Сколько бы ни было, шанс снова стать здоровым, даже относительно здоровым – он бесценен. Я хочу увидеть, как ты бегаешь, плаваешь, занимаешься дайвингом, прыгаешь со скалы.

– Ты знаешь, что всё это невозможно. Ни без операции, ни с ней.

В его словах такая горечь, которую, наверное, поймёт только другой человек, прикованный к коляске. Мне приходится собраться с духом и потратить некоторое время, чтобы совладать с эмоциями и произнести:

– Я была бы счастлива увидеть только, как ты ходишь. Я была бы счастлива, даже если бы ты не мог ходить, но избавился от этих адских болей. На боль они дают гарантии – её больше не будет, Лео!

Это враньё. Они ни на что не дают гарантий.

Теперь время требуется ему. И гораздо больше, чем мне.

– У меня просто нет такой суммы денег, – признаётся, наконец.

Я бухгалтер, и ситуации, когда обеспеченные люди не

имеют свободной наличности – не редкость для меня. Чаще всего именно они и не умеют грамотно распоряжаться финансами.

– Продай квартиру, – предлагаю.

Лео на мгновение оторопевает. Выражение его лица: «Что за бред ты несёшь?!»

– Как я могу продать то, что мне не принадлежит?

Теперь уже оторопеваю я.

– А кому оно принадлежит?

– Понятия не имею. Я арендовал её через агентство.

Моя память и способность мыслить лихорадочно пытаются осознать сказанное, принять, как реальность. Сложно представить, что именно выражает в эту секунду моё лицо, но на лице Лео проявляется болезненное разочарование, степень которого с каждым мгновением берёт всё более высокие, стонущие, почти плачущие ноты.

Вначале на меня накатывает злость. Потом стыд... вернее, понимание того, о чём именно сейчас думает Лео – я приняла его за представителя золотой молодёжи, и одному Богу известны причины, по которым согласилась на его далеко не заманчивое предложение. Я лихорадочно стараюсь припомнить все наши первые разговоры, отыскать все те причины, по которым сделала не те выводы.

Лео отворачивается, и это небольшое движение странным образом приводит меня в чувство.

– Ну ладно. Хорошо. Давай думать ещё. Есть у тебя что-нибудь, что можно было бы продать?

Он больше не смотрит в глаза. Он молчит.

– Что? Совсем ничего?

О, Боже.

Мои шестерёнки крутятся, и чем дальше, тем быстрее.

– А где ты жил до этого? Ваш дом с Карлой... – и тут я осекаюсь.

– Он не мой.

– Ну может, есть смысл теперь поговорить с ней об операции... и разъяснить ситуацию...

– Нет.

Печально. Моя рука прижата к губам – а это верный признак того, что у клиента дела плохи.

– Из любой ситуации можно найти выход... мы что-нибудь придумаем, – спешу его заверить.

И уже через мгновение меня осеняет мудрая мысль:

– А сколько же ты платишь за аренду этой квартиры?

– Одиннадцать тысяч.

– Одиннадцать тысяч?! – я даже вскакиваю с места от возмущения. – Ты шутишь? Сколько же ты всего уже за неё выложил? Мы здесь как долго?.. Шестой месяц? Это почти семьдесят, мать твою, кусков?!

– Да.

– Почему было не снять квартиру попроще, господи! – и теперь я уже в прямом смысле хватаюсь за голову.

Он не отвечает. И меня разбирает злость, потому что... потому что женщины хотят жить в красивых и комфортных местах – именно этим он руководствовался, в экстренном режиме подыскивая квартиру, куда собирался привести... меня. А потом предложить место сиделки? Что-то тут не сходится.

Я опускаю руки и долго, ошарашенно глазею на Лео. Он, как и прежде, избегает смотреть в глаза.

– Лео...

– Да?

– А ты о сбережениях что-нибудь слышал?

– Конечно. У меня есть... были некоторые.

Пока он не отдал их мне, а я банку. Ой, мама...

Мы долго сидим в тишине, пока я соображаю.

У меня есть дом. Не до конца выплаченный, но, если его продать, деньги будут. Плюс мои сбережения, плюс девяносто пять тысяч.

Но остаться опять без дома... боже...

Решение зависит от того, с какого ракурса посмотреть на дилемму. С позиции «Стоит ли моя долгожданная крыша над головой его боли?» ответ не только однозначен, но и сам факт того, что этот вопрос задан, пованивает чем-то нехорошим. Ну а с другой стороны, он сам оставил свой дом в Калифорнии бывшей жене. Почему я – человек, два года проживший на улице – должна расплачиваться за его широкий жест самым важным для меня? Потому что дура. Но в свете

первого пункта, это не важно. It's okay.

– Я продам свою квартиру. Денег за вычетом всех удержаний банка будет до обидного мало, но на операцию должно хватить. Завтра же я найду место подешевле – переедем туда. Возьму всех клиентов, каких мне предложат, найду работу. Если всё это приплюсовать к твоим одиннадцати тысячам, нам должно хватить на реабилитацию.

Лео очень тихо и даже не глядя произносит:

– ... нам?

Потом очень чётко, громко и глядя в глаза, добавляет:

– Об этом не может быть и речи. Я перееду в дешёвую квартиру, это не вопрос, уже через год денег должно скопиться столько, сколько нужно.

Его взгляд, как таран – мощный и непреклонный. Но меня так легко не протаранить. Ты мужчина Лео, конечно, и ты не допустишь, чтобы женщина тебя облагодетельствовала, а тем более финансово. Но ты забываешь о том, что в первую очередь я человек, который никогда не допустит даже день твоей боли, если её можно избежать. И ты совершенно прав: не может быть и речи. Даже допускающей мысли не может быть о том, чтобы отложить на год то, что избавит тебя от боли. Не может быть и речи о том, чтобы отнять у тебя год полноценной жизни, юности, в которой должно быть намного больше, чем коляска и кэмпинг в оборудованных для инвалидов местах.

Лео слишком умён и проницателен, чтобы, тараня, не уви-

деть всех этих мыслей в моих глазах.

– Не смей! – требует. Причём, довольно грубо.

– Ну, попробуй, останови, – просто пожимаю плечами.

Однако позже мне приходит в голову идея получше. Я нахожу в сети макеты медицинской документации, связанной с финансированием сложных и дорогостоящих операций для граждан, и вписываю туда имя Лео. Откуда ему знать о деталях и нюансах этих программ?

– Такие вещи существуют в каждой стране только для своих граждан, – говорит он мне, сузив глаза.

– Канада очень социальная страна, во-первых, а во-вторых, существуют и в медицине явления, вроде студенческого или научного обмена. Другие страны лечат наших пациентов, если у них это направление лучше развито, а мы – их. Канада славится своими ортопедическими хирургами! – вру.

– Поехали к тебе домой.

– Ты сможешь увидеть только один из моих туалетов.

– Ничего. Мне хватит.

– Хорошо, поехали.

Я предвидела такой вариант развития событий, и продала свой таунхаус азиатскому инвестору. Комичность ситуации в том, что гражданин Китая не имеет даже визы для въезда в Канаду, но это не мешает ему приобретать недвижимость и даже сдавать её в аренду через того же риелтора, который помог ему купить мой дом. Я сняла у него свой же скворечник ещё два месяца – мне нужно время, чтобы придумать,

куда перевезти пожитки и сделать это незаметно для Лео. Ну и в моей голове была мысль, что упрямец может внезапно захотеть ко мне в гости.

Нет, туалета ему мало. Он вцепляется рукой в поручень перил и лезет на второй этаж. Там сползает по стене, а я уже с иглой наготове. Бледный и тяжело дышащий, подставляет сгиб руки, весь исколотый предыдущими инъекциями, и требует:

– Покажи мне свои фотографии... в рамках.

– Ты знаешь, что я не фотографирую себя. С какой стати я буду делать со своей физиономией рамки?

Он молчит и смотрит своими уставшими глазами.

– Ну хочешь, – предлагаю, пока ввожу ему лекарство, – я скажу, что находится вон в том ящике? А потом вон в том? Я принесу их тебе, и ты убедишься, что я не ошиблась.

– Принеси мне юбку...

– Какую ещё юбку?

– Как у балерины. Зелёную.

– Ментоловую.

– Один хрен. Она должна быть, как у балерины.

Юбка из фатина, которая была на мне, когда мы впервые встретились в аэропорту.

Со вздохом я поднимаюсь на третий этаж, в свою спальню, нахожу юбку, спускаюсь и вручаю неверующему. Он скомкивает её в руке и закрывает глаза.

Надо ж, какой упёртый, думаю. Как хорошо, что я вовре-

мя догадалась обмануть его. Он бы не согласился своим ходом, это точно.

Ты всё вернёшь мне, Лео, мысленно говорю ему. Конечно, вернёшь. Улыбками своими вернёшь, спокойным сном без боли. Походами в бассейн и прогулками вдоль набережной. Даже уютными ночами, которые мы проведём вместе, может быть вернёшь, но это не точно – просто, как потенциальная возможность. Но, самое главное, позволишь полноценно любить себя, и конечно, полюбишь в ответ. Ты не можешь меня не полюбить, не имеешь права. Ты мне нужен, Лео. Ты даже представить себе не можешь, как сильно мне нужен.

Глава 10. Колыбельная любви

Mark Diamond – Rita

Снять дом получается не сразу – рынок недвижимости, как всегда в Ванкувере, перегрет. Понятное дело – мой таунхаус купили в первый же день, как он был выставлен на продажу, азиат даже добавил денег сверху заявленной цены. Я, конечно, радовалась и старалась больше ни о чём не думать.

Только две недели спустя нам удаётся найти одноуровневый дом с двумя спальнями – старый до ужаса.

– Как мы будем здесь жить? – тарашится на меня Лео.

– Прекрасно будем жить. Спальни есть, порогов нет, лестниц тоже. Что ещё тебе нужно?

Он смотрит на меня и не дышит. Да, я уже поняла, брат: тебя приучили угождать женщине, с которой живёшь. Среда обитания должна быть достойной – это закон, но пусть я буду для тебя открытием – есть дурочки, вроде меня, согласные на любые жертвы ради достижения своей цели, а моя на сегодня – твои ноги.

Лео подъезжает к духовке, открывает дверцу, и она вываливается. Вот в буквальном смысле остаётся в его руках. Он поворачивается ко мне с выражением: «Не могу в это поверить!».

– Ты технику, смесители проверяла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.